

TURKIYAT ENSTİTUSU
Numara: 886

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

Türkistan ve Türkistanlıları

Türkistan Enstitüsü	
Kitap No.	30838
Yıl No.	

Введенный, въ видѣ опыта, «проектъ положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областяхъ» сослужилъ свою службу, и въ настоящее время вырабатывается особою комиссіею новое положеніе, на основаніи пятилѣтняго опыта и всесторонняго изученія на мѣстѣ бытовыхъ особенностей населенія далекой азіатской окраины. Такимъ образомъ, реформа 1867 года дѣлается достояніемъ исторіи. Вводя новое положеніе, организационныя комиссіи собирали болѣе или менѣе подробныя, болѣе или менѣе точныя статистическія свѣдѣнія о своихъ участкахъ. Особенно дѣятельно работала Кураминская комиссія. Собранныя ею данныя по топографіи уѣзда и по экономической дѣятельности населенія послужили мнѣ матеріаломъ при моихъ статистическихъ работахъ¹⁾; а служба моя по военно-народному управленію дала мнѣ возможность лично познакомиться съ Кураминскимъ уѣздомъ, провѣрить и дополнить собранныя до меня данныя, и такимъ образомъ составить довольно полный очеркъ уѣзда по всемъ отдѣламъ программы центрального статистическаго комитета.

Новый проектъ потребуетъ, конечно, новыхъ комиссій для опредѣленія поземельныхъ правъ каждаго осѣдлаго жителя, и я полагаю, что разсказъ объ опытѣ предшественниковъ можетъ пригодиться новымъ дѣтелямъ положительной или отрицательной

¹⁾ Статистическіе очерки средне-азіатской Россіи. — Банъ Импер. Стат. Аф. Общ. 1874.

своею стороною, т.-е. представляя примѣры, достойные подражанія, или предостерегая отъ ошибокъ.

Кураминскій уѣздъ населенъ такъ пестро, въ немъ перемѣшано столько народностей, переходы отъ пастушества къ земледѣлю, отъ кочевого образа жизни къ осѣдлости такъ рѣзко очерчиваются, что и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшій интересъ въ ряду другихъ уѣздовъ. Поэтому я считаю не лишнимъ подѣлиться, съ интересующимися этнографіей и статистикой Средней Азіи, своими наблюдениями и свѣдѣніями, добытыми комиссіей. Намъ трудъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: собственно реформы, и очерка работъ организаціонныхъ комиссій и ихъ результатовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ.

Движеніе наше къ Средней Азіи началось еще съ 1730 года, когда киргизы Малой Орды, не находя нигдѣ спасенія отъ набѣговъ джунгаръ, башкиръ и лицкихъ казаковъ, обратились къ Россіи съ просьбой принять ихъ въ подданство.

Учрежденіемъ оренбургской линіи по Уралу башкиры были замануты и съ теченіемъ времени совершенно намъ подчинились — киргизы съ этой стороны были успокоены, имѣя къ тому же возможность всегда уклониться отъ нашего вліянія простою откочевкою къ югу.

Со стороны Сибири, линіи и поселенія тянулись не вдоль границъ, а перпендикулярно къ ней, направляясь рядомъ параллельныхъ линій отъ сѣвера къ югу по меридіанамъ, ничѣмъ не связанныя по широтѣ.

Въ 1836 году, сибирскія линіи примкнули къ оренбургской при помощи соединенія Орска съ Троицкомъ. Въ 1844 г. мы заняли низовья Сыръ-дарьи, а въ 1864 г. рѣшено уже было связать образовавшуюся сыръ-дарьинскую линію съ западною Сибирью. Правительство надѣялось закрыть ничѣмъ не охранявшееся пространство, запереть эти громадныя ворота, сквозь которыя по корридорамъ, образованнымъ «линіями», безпрепятственно вторгались шайки кочевыхъ барантчей, вплоть до Иртыша и Урала.

Выполненіе этой задачи вызвало рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарою и повело къ занятію обширной территоріи, включающей теперь почти цѣлкомъ бассейны Сыръ-дарьи, Чу, Или и Заравшана.

Заносванія наши были до того неожиданны и до того не въ видахъ нашего правительства, что напримѣръ, 31-го октября

1864 года состоялось высочайшее повелѣніе о непрѣмливой не-движности нашей границы. Сначала хотѣли ограничиться Пинпек-комъ и Аулие-ата, откуда вести пограничную черту по сѣверному склону хребта Кара-тау, отнюдь не занимая ни Туркестана, ни Чимкента. На дѣлѣ это оказалось намъ не по силамъ: мы были слишкомъ слабы, чтобы допустить такіе два лагеря передъ нашимъ фронтомъ, и достаточно сильны, чтобы занять ихъ. Стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ двухъ средне-азиатскихъ ханствъ въ Россію, Чимкентъ и Туркестанъ послужили намъ какъ-бы замками, запирающими ворага сибирской и оренбургской окраинъ. Вслѣдъ за сказаннымъ повелѣніемъ былъ занятъ и Ташкентъ, но въ отношеніи министерства иностранныхъ дѣлъ къ оренбургскому генералъ-губернатору (отъ 23-го февраля 1866) было высказано намѣреніе возвратитъ Ташкентъ назадъ. Не заявивъ Чимкента и Туркестана, соединеніе Сибири съ сыръ-дарьинской линіей было невозможно. Линія же отъ Чимкента къ Аулие-ата дѣлалась чисто фиктивною, какъ только Ташкентъ выпалъ бы изъ нашихъ рукъ: она была совершенно открыта и съ фланга, и съ тыла. Кромѣ того, правительственное значеніе и матеріальныя средства средне-азиатскихъ ханствъ были такъ сильны, что на прочность нашей новой линіи нельзя было бы разсчитывать. Только благодаря послѣдующимъ успѣхамъ нашимъ мы заняли наконецъ достаточно обезпеченное положеніе, дозволившее намъ заняться внутреннимъ устройствомъ занятыхъ земель.

Расширеніе нашихъ владѣній въ Средней Азіи и возстаніе дунганъ, возгорѣвшееся близъ нашихъ границъ съ западнымъ Китаемъ, до того измѣнили положеніе наше на юго-востокѣ киргизскихъ степей, что явилась необходимость принять безотлагательныя мѣры къ преобразованію существовавшаго управленія этою пограничною полосою. Необходимость преобразованій чувствовалась тѣмъ осязательнѣе, что дѣйствовавшія тогда въ разныхъ частяхъ края узаконенія были крайне разнообразны: временное положеніе 6-го августа 1865 г. — для большей части края, сибирскія учрежденія 1822 — для копальскаго и сергіопольскаго округовъ, и «особое положеніе» для алатавскаго округа.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ, ген.-адъютантъ Крыжановскій, и тогдашній туркестанскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Романовскій, представляя хаотическое состояніе существовавшей администраціи, доносили, что такое положеніе терпимо долѣе быть не можетъ, и потому предлагали мѣры къ ея преобразованію.

Въ видахъ ознакомленія съ пуждами новаго края учреждена

была степная коммиссія, на обязанность которой было возложено объѣхать всѣ кочевки и населенныя мѣста Туркестанской области и составить проектъ положенія для управленія ею. Предсѣдателемъ коммиссін былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ, а членами: полковники Готовскій и Рейсъ и подполковникъ Проценко. Цѣлыхъ два года коммиссія разъѣзжала по степи, знакомилась съ бытомъ народа, собирала статистическія данныя и, наконецъ, выработала проектъ положенія объ управленіи народомъ. Въ основаніе соображеній по устройству администраціи края коммиссія приняла слѣдующія начала: 1) Нераздѣльность власти военной и административной. 2) Необходимость приблизить устройство мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, по возможности, къ администраціи, существующей въ другихъ частяхъ имперіи. 3) Предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, — выборнымъ изъ среды народа. 4) Отстраненіе въ этихъ низшихъ народныхъ учрежденіяхъ порядковъ, вредныхъ интересамъ Россіи. 5) Образованіе и развитіе административныхъ органовъ, сообразно мѣстной потребности, съ точнымъ указаніемъ предѣловъ ихъ власти. 6) Отдѣленіе суда отъ администраціи, въ возможной, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, степени.

Заключенія Особаго Комитета, специально обсуждавшаго вопросъ о преобразованіи управленія въ Туркестанской области, были высочайше утверждены 11-го апрѣля 1867 г.

Согласно этимъ заключеніямъ, Туркестанская область и часть Семирѣченской (къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта) были изъяты изъ вѣдѣнія оренбургскаго и западно-сибирскаго генералъ-губернаторовъ и соединены въ одно генералъ-губернаторство, названное туркестанскимъ и раздѣленное на двѣ области: Семирѣченскую и Сырь-дарьинскую. Противъ отдѣленія Ташкента отъ Оренбурга сильно ратовалъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, доказывавшій, что «самостоятельное» существованіе туркестанскаго округа опасно, ибо грозитъ отдѣленіемъ, по слабости его связи съ центромъ. Юнкерское училище даетъ въ Ташкентѣ офицеровъ, а само находится въ Оренбургѣ; дороги за Орскъ не нужны оренбургской власти и можно надѣяться, что, въ случаѣ отдѣленія, почтовая гоньба придетъ въ упадокъ (это и случилось на дѣлѣ) и т. д.: въ такомъ родѣ были аргументы.

Выработанный степною коммиссіею проектъ положенія объ управленіи въ областяхъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, согласно резолюціи комитета министровъ, высочайше утвержденной 14-го іюля 1867 г., рѣшено было ввести въ видѣ опыта на

три года, но при этомъ генералъ-губернатору предоставлено было право, примѣняясь къ указаннымъ въ проектѣ основаніямъ, принимать всѣ тѣ мѣры, какія будутъ признаны полезными для лучшаго устройства края. По проекту положенія, Семирѣченская область раздѣлялась на пять, а Сырь-дарьинская на восемь уѣздовъ.

Организація управленій проектирована была слѣдующая:

Во главѣ управленія всего края — генералъ-губернаторъ; при немъ: канцелярія и чины для порученій (въ томъ числѣ одинъ по дипломатической, одинъ по горной и одинъ по финансовой частямъ). Во главѣ управленія областей — военные губернаторы и областныя правленія, въ каждомъ три отдѣленія: распорядительное, хозяйственное и судебное; въ областныхъ городахъ учреждаются областныя казначейства и областныя почтовые конторы; въ уѣздахъ: уѣздныя начальники, при нихъ два помощника (младшій назначается изъ туземцевъ) и канцелярія. Кромѣ того: уѣздный врачъ, уѣздная касса, почтовое отдѣленіе и уѣздный судья; въ г. Ташкентѣ: начальникъ города, его помощникъ, канцелярія и городской врачъ; въ г. Вѣрномъ: городничій.

Влижайшее внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ положено было предоставить выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его обычаямъ. Туземное населеніе туркестанскаго края состоитъ изъ кочевыхъ и осѣдлыхъ; первые преимущественно киргизы, вторые сарты. Киргизы дѣлятся на роды, роды на отдѣленія и подъ-отдѣленія. Неудобства этого подраздѣленія, въ административномъ отношеніи, состоятъ въ томъ, что роды, составляя большія и неравномѣрныя единицы, раскинуты иногда на значительномъ пространствѣ, а соединеніе большихъ родовъ подъ властію одного родопачальника можетъ быть неудобно въ политическомъ отношеніи.

Такъ какъ у киргизовъ Западной Сибири уже десятки лѣтъ существуетъ подраздѣленіе на волости и аулы, вполне соответствующее волостнымъ и сельскимъ обществамъ Россіи, и такъ какъ оно принесло благоприятные результаты, то не было никакого повода предполагать, чтобы такая же организація управленія туркестанскими киргизами могла имѣть неудовлетворительныя послѣдствія. Чтобы устранить вліяніе богатаго или знатнаго меньшинства, рѣшено было предоставить право выбора *всему* народу, безъ ограниченія цензомъ. Въ каждомъ аулѣ хозяева десяти кибитокъ назначаютъ одного избирателя, сходъ этихъ избирателей выбираетъ аульнаго. Затѣмъ, отъ каждаго пятидесяти кибитокъ назначается также одинъ избиратель, съѣздъ этихъ избирателей со всей волости выбираетъ волостного. Опредѣленіе

размѣра содержанія волостнымъ и аульнымъ предоставляется самимъ обществамъ, приговоры которыхъ должны быть составлены, впрочемъ, *раньше* выборовъ этихъ должностныхъ, чтобы устранить при этомъ вліяніе ихъ.

Осѣдлое населеніе также выбираетъ старшинъ или аксакаловъ¹⁾ посредствомъ избирателей, назначенныхъ отъ каждаго десяти домовъ. Немноголюдныя, но близко другъ къ другу лежащія селенія соединяются по два и болѣе подъ властію одного аксакала, а большія селенія и города раздѣляются на кварталы—махале. Существовавшіе при копанцахъ *раисы*—особые полицейскіе чиновники, наблюдавшіе за нравственностію и религіозностію народа, были оставлены, съ тѣмъ однакоже, чтобы вакансіи, могущія открыться впредь за смертію раиса или за выбытіемъ его—уже не замѣнялись новыми лицами.

Въ краѣ дѣйствуютъ три рода суда: 1) *военный*—за измѣну, возбужденіе народа къ неповиновенію, нападеніе на почты и военные транспорты и за убійство христіанина и должностнаго лица; 2) *по общимъ уголовнымъ законамъ имперіи*: за разбой, грабѣжъ, нападеніе на караваны, похищеніе казеннаго имущества, дѣланіе фальшивой монеты, сопротивленіе властямъ и побѣгъ въ чужія владѣнія; 3) *народный*: за всѣ остальные преступленія, не исключая баракты и убійства у киргизовъ; сарты же по этимъ преступленіямъ вѣдаются судомъ уголовнымъ.

Русскіе подданные, не-туземцы, судятся по общимъ законамъ. Тому же суду подлежатъ и дѣла между туземцами и русскими, а также между сартами и киргизами. Такимъ образомъ, если истецъ не единоплеменникъ отвѣтчику, онъ уже долженъ обращаться не къ народному, а къ русскому суду.

Органами суда народнаго служатъ *бий* у киргизовъ и *кази* у сартовъ. Судъ биевъ—гласный и публичный; онъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти и по обычаю. Судъ казиевъ также гласный и публичный, но основывается на *шаріатѣ*, то-есть на коранѣ и его толкованіяхъ, и сохраняетъ по преданію рутинную неподвижность, безъ всякаго отношенія къ духу времени и требованію обстоятельствъ. Въ видахъ ослабленія вліянія казиевъ, а слѣдовательно и фанатическаго духовенства, приняты были слѣдующія мѣры: 1) предоставлено народу выбирать судей на 3 года, чрезъ что устраняются вредныя послѣдствія ихъ несмѣняемости и со временемъ явится возможность попадать въ казіи и не однимъ ходжамъ²⁾;

1) Акъ—бѣлый, сакалъ—борода.

2) Ходжа—святоша, отсюда наше „ханжа“.

2) территория края раздѣлена на судебныя участки, вѣдающіеся каждый исключительно своимъ казіемъ, что, конечно, должно было подорвать авторитетъ *кази-келяновъ* (келянъ—старшій) и разныхъ святошей, къ которымъ при прежнемъ порядкѣ по преимуществу стекались тяжущіеся; 3) учреждены періодическіе стѣзды казиевъ, рѣшающіе дѣла уголовныя, а также исковыя, если они превышаютъ власть казія, то-есть выше 100 рублей. Эта мѣра, во-первыхъ, уменьшаетъ значеніе казія, а во-вторыхъ, даетъ болѣе правильную организацію существовавшимъ и прежде стѣздамъ, даетъ, сверхъ того, возможность надзора безъ нарушенія шаріата; 4) разрѣшено туземцамъ обращаться и къ русскому суду, но только до разбора дѣла у казія или и послѣ разбора, но уже тогда при заявленномъ неудовольствіи *обѣихъ* сторонъ и съ *обоюднаго* ихъ на то согласія. Эта мѣра увеличитъ, конечно значеніе русскаго суда, не придавая ему нисколько характера апелляціонной инстанціи, къ которой въ большинствѣ случаевъ здѣсь обращалась бы неправая сторона, что напрасно увеличивало бы работу судебныхъ властей и развило бы ябеды; 5) отмѣнены тѣлесныя наказанія и смертная казнь, постановлявшіеся прежде судомъ казиевъ. Форма судопроизводства у биевъ и казиевъ имѣетъ много общаго съ нашимъ мировымъ судомъ: предложеніе сторонамъ окончить дѣло миромъ или третейскимъ разбирательствомъ, гласность и публичность суда, отсутствіе письменнаго производства, простота и несложность обрядовъ, — все это дѣластъ русскій судъ доступнымъ пониманію туземцевъ и не поражаетъ ихъ новизною, а принимается какъ давно знакомое дѣло.

Нѣтъ сомнѣнія, что туземцы будутъ охотнѣе обращаться къ русскому суду, какъ болѣе развитому и гуманному, чѣмъ казіи и бий. Съ распространеніемъ суда совѣсти — судъ шаріата, а съ нимъ и фанатизмъ станутъ упадать мало-по-малу, уступая мѣсто русскому праву и вѣротерпимости. Бий—отъ 4 до 8 на каждую волость — выбираются тѣми же представителями народа, которые выбираютъ и волостного. Жалованья имъ не полагается, но они получаютъ *бий-лыкъ* за рѣшеніе каждаго дѣла, т.-е. установленный обычаемъ штрафъ съ виновнаго. Казіи также не получаютъ жалованья, а довольствуются *кази-мыкомъ*. Понятно поэтому, что доходъ судьи прямо зависитъ отъ количества рѣшенныхъ имъ дѣлъ, а это количество прямо зависитъ отъ доброй славы судьи: если онъ извѣстенъ за толковаго человѣка, умѣющаго скоро отличать ложь отъ правды, если онъ затѣмъ еще и справедливъ, не кривитъ душою, не склоняется подарками на сторону неправую, то къ нему и будутъ обращаться преимущественно передъ

другими. Обычаемъ киргизовъ установлено, что тяжущіеся имѣютъ право, съ обоюднаго впрочемъ согласія, обращаться къ тому или другому бію, не стѣсняясь въ выборѣ плечѣмъ, хотя бы онъ былъ не только другого рода, но даже и жилъ бы за тридевять земель. Этотъ обычай, въ сущности не дурной, подтвержденъ и нашимъ положеніемъ. Въ Семпрѣчи, напримѣръ, ссоры между киргизами, каркаралинцами, джалапровцами и намовцами, при невозможности пайти изъ своихъ равно безпристрастнаго къ обѣимъ сторонамъ судью, повели къ тому, что всѣ спорныя дѣла оставались до пріѣзда какого-нибудь русскаго, хотя бы простого казака. Въ особенности прославился одинъ рыбопромышленникъ, извѣстный у киргизовъ подъ именемъ *аксакъ-маіора* (хромого маіора). Онъ ежегодно пріѣзжалъ, разбиралъ споры и брать бій-лыкъ.

У сартовъ, гдѣ казій въ то же время и духовное лицо — намъ неудобно было бы узаконить тотъ же обычай: это имѣло бы въ народѣ пенужный фанатизмъ, а цѣлью нашей было сколько можно ограничить значеніе этихъ святошей. Достигнута эта цѣль весьма простымъ средствомъ: казіи пріурочены къ своимъ участкамъ и принимать дѣла изъ другого участка не имѣютъ права.

Для рѣшенія дѣлъ, превышающихъ сумму въ 100 р., учрежденъ *съездъ биевъ* со всей волости, а у сартовъ *съездъ казіевъ*; рѣшенія этихъ съездовъ окончательны на сумму не выше 1,000 р. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ исковыхъ или гражданскихъ, а также и уголовныхъ, у киргизовъ — учреждается еще *чрезвычайный съездъ биевъ* со всего уѣзда; этотъ съездъ собирается только по распоряженію уѣзднаго начальника и въ его присутствіи. Рѣшенія суда биевъ и казіевъ записываются въ особую книгу и объявляются сторонамъ, съ выдачею *вытравшей* сторонѣ копій съ постановленія за печатями судей. Только по однимъ брачнымъ дѣламъ сторона, *недовольная* рѣшеніемъ народнаго суда, можетъ обратиться къ уѣзднему начальнику, которому и предоставляется право рѣшить дѣло окончательно. Понятно, что будетъ обращаться къ русской власти именно женщина. Подчинить бракоразводныя дѣла вѣдѣнію русскаго суда казалось неудобно и въ томъ отношеніи, что въ нашихъ законахъ нѣтъ статей, которыми бы могъ руководствоваться судья въ этихъ случаяхъ. Есть, напротивъ, статьи, положительно воспрепятствующія всякія условія, клонящіяся къ расторженію брака или къ нарушенію «святости» его. У насъ, при трудности добыть законный разводъ у духовной власти, житейская практика выработала обычай обращаться въ этихъ случаяхъ къ свѣтской власти. Генераль-губернаторы, оберъ-полиціи-

мейстеры, шефъ жандармовъ могутъ выдать притѣсняемой женщины отдѣльный видъ на жительство. Этотъ нашъ обычай перенесенъ былъ и на средне-азиатскую почву: въ лицѣ уѣзднаго начальника туземная женщина получила естественнаго защитника. О томъ, какъ пользовались русскіе этимъ правомъ, я скажу впоследствии, когда придется говорить о результатахъ реформы по наблюденіямъ моимъ въ Курамѣ.

Съ кочевого населенія положено взимать кибиточную подать, но не личную съ каждаго поименованнаго въ спискѣ, а съ волости, которая должна внести сумму по расчету въ 2 руб. 75 коп. на каждую дуну, и сама уже раскладываетъ эту сумму *не поровну* на богатыхъ и бѣдныхъ, а *пропорціонально* состоянію каждаго. Такимъ образомъ, введена наша круговая порука. Точно также раскладываются и остальные сборы: почтовый, на общественные расходы и т. п. Общественные расходы заключаются въ жалованья волостнымъ, аульнымъ, аксакаламъ и прочимъ. Волостному управителю объявляется вычисленная зарплата и назначенная губернаторомъ цифра податей, падающихъ на его волость. Эту сумму раскладываютъ по ауламъ, смотря по ихъ богатству, выборные отъ 50 кибитокъ. Последнюю раскладку между юрто-владѣльцами въ каждомъ аулѣ производятъ выборные отъ десяти кибитокъ. Самый же сборъ производится аульными старшинами. Собранные деньги сдаются волостному, а этотъ отвозитъ ихъ въ мѣстную уѣздную кассу. Съ осѣдлаго населенія определено взимать *хераджъ* въ $\frac{1}{10}$ съ урожая и *тананый сборъ* съ произведеній земли, не подлежащихъ хераджу. Сборъ эти взимаются порядкомъ издавна существующимъ у туземцевъ, т.-е. особыми спеціальными сборщиками — *серкерами*. Дѣло серкера весьма не легко: онъ долженъ вычислить площадь засеяннаго поля, чтобъ опредѣлить сколько въ немъ *танановъ* ¹⁾ и сколько, значитъ, слѣдуетъ взыскать съ землевладѣльца; онъ долженъ вѣрно опредѣлить на глазъ, какъ великъ можетъ быть урожай на каждомъ данномъ участкѣ, принявъ въ расчетъ количество высѣяннаго зерна и густоту стоящаго на корню хлѣба... Все это требуетъ извѣстныхъ знаній и сноровки. Вотъ почему хорошій серкеръ всегда цѣнился, и вотъ гдѣ источникъ богатства этихъ спеціалистовъ: оцѣнивая на глазъ, серкеръ можетъ ошибиться — въ пользу землевладѣльца, а за это можетъ получить и должную благодарность.

Съ торгующихъ туземцевъ сыръ-дарьинской области взимается

¹⁾ Тананъ = $\frac{1}{6}$ части нашей десятины.

закетъ въ $2\frac{1}{2}\%$ съ торговаго капитала или въ $\frac{1}{40}$ часть стоимости товара. Цифра эта установлена во всей Азии древнимъ обычаемъ.

Въ Семирѣченской области, а также въ Казалинскѣ и Перовскѣ торгующіе туземцы подчиняются торговому уставу, общему для всей имперіи. Закетъ тамъ взыскивается только съ каждаго приходящаго изъ-за границы иностраннаго каравана, въ чемъ и выдается квитанція караванъ-башу. Такая разниа правъ туземнаго купечества въ одномъ и томъ же округѣ, конечно, не можетъ считаться нормальною, и со временемъ придется ввести однообразную систему.

Подводная повинность въ видѣ поставки арбъ¹⁾, верблюдовъ и лошадей для передвиженія войскъ и тяжестей—отмѣнена. Впрочемъ, въ военное время и въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшается прибѣгать и къ наряду, по съ уплатою за перевозку или, какъ здѣсь говорятъ, «за жиръ» и за упалыхъ животныхъ, по опредѣленной, т.-е. пазначенной начальствомъ, цѣнѣ. Постоянная повинность или квартирная, въ видѣ размѣщенія войскъ по туземнымъ жилищамъ или въ видѣ выставки кибитокъ на почлегъ проходящихъ командъ, также не существуетъ. Войска располагаются въ походѣ бивуаками или берутъ съ собою кибитки, на мѣстѣ—въ казармахъ, а лѣтомъ—въ баракахъ.

26 октября 1867, вновь назначенный ген.-губернаторъ предписалъ воен. губернатору Семирѣченской области составить пять организаціонныхъ комиссій, по числу предполагаемыхъ уѣздовъ, и приступить къ составленію списковъ юртовладельцевъ, къ образованію ауловъ и волостей, выбору должностныхъ и раскладкѣ податей. Такъ какъ въ Семирѣченской области населеніе по преимуществу кочевое, то нужно было приняться за дѣло немедленно и окончить его въ теченіи зимы, чтобы захватить всѣ кочевки на мѣстахъ. Позднее прибытіе въ край нѣкоторыхъ изъ вновь назначенныхъ чиновъ военно-народнаго управленія задержало дѣло организаціи, и чтобы наверстать потерянное время пришлось потомъ раздѣлить Сергіопольскій и Копальскій уѣзды на два участка каждый и сформировать двѣ новыхъ комиссій, которымъ, конечно, досталось вдвое менѣ работы, и потому онѣ могли окончить ее къ назначенному сроку. Работы Семирѣченскихъ комиссій начались съ декабря 1867 года и продолжались отъ 3-хъ до 7 мѣсяцевъ.

20-го декабря 1867 предписано было сформировать и въ

¹⁾ Арба—телега на двухъ высокихъ колесахъ.

Сыръ-дарьинской области *три* комиссій для уѣздовъ, гдѣ преобладаетъ кочевое населеніе, а именно: для Аулие-атинскаго, Казалинскаго и Перовскаго. Всѣ комиссіи снабжены были инструкціями, указывавшими, впрочемъ, только общіе приемы предстоявшихъ работъ, и не стѣснявшими исполнителей излишними подробностями, которыя на практикѣ могли бы оказаться непримѣнными. Руководителемъ всего дѣла организаціи былъ одинъ изъ членовъ степной комиссій, А. К. Гейнсъ, назначенный правителемъ канцеляріи генераль-губернатора. Комиссіямъ указано было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ; названія ауламъ давать по нумерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости. Затѣмъ указанъ былъ самый порядокъ выборовъ: сначала избирателей по одному отъ каждаго 10 и по одному отъ каждаго 50 кибитокъ, а затѣмъ и выборы аульных старшинъ, волостныхъ управителей и наконецъ биевъ. Волости указано формировать изъ 1,000 и до 2,000 кибитокъ. Названія волостямъ давать или по главному, вонеднему въ составъ ея роду, или по урочищу, гдѣ расположены зимнія стойбища. Во все время работъ комиссій должны были обходить вопросъ о податяхъ, и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить и о введеніи особыхъ бляхъ для должностныхъ лицъ, а также о форменныхъ для нихъ печатяхъ. Всѣ эти вопросы казались наиболѣе щекотливыми. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей приказано было учредить въ каждомъ уѣздѣ по нѣскольку хозяйственныхъ управленій, соединяя для этого по 8—10 волостей, которыя и выбираютъ членовъ управленія по два, по три отъ каждой.

При выполненіи этой программы, комиссіи, начавшія работы зимою, встрѣтили множество препятствій: разбросанность кочевковъ небольшими группами дѣлала невозможнымъ посѣщеніе каждой группы, за недостаткомъ времени. Поэтому, воплѣ правильнаго составленія списковъ ожидать было нельзя. Суровое время года крайне затрудняло переѣзды комиссій. Бураны заметали иногда всѣ пути въ какое-нибудь ущелье, гдѣ пріютились тотъ или другой аулъ. Необходимость окончить работы къ веснѣ, т.-е. ко времени начала перекочевковъ, заставляла спѣшить съ подготовительными работами: киргизы боялись показывать правильно число кибитокъ, чтобы съ нихъ не взыскали недоборъ податей за прошлые годы. Въ Семирѣченской области, гдѣ прежде взимался *ясакъ*, то-есть подать со скота, киргизы старались скрыть истинное число кибитокъ, чтобы уклониться отъ обложенія податью. Наконецъ, нашлись и злонамѣренные люди, распространяв-

ніе полѣнные слухи о томъ, что мы будто бы хотимъ сдѣлать киргизовъ осѣдлыми, какъ сдѣлали это съ балкирамп; что если составляются списки, то съ цѣлію потомъ брать рекрутъ по одному съ 10 кибитокъ. Слухи эти повели къ тому, что, напримѣръ, въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ списки юртовладѣльцевъ, если ужъ никакъ нельзя было пропустить кого-нибудь, записывали перѣдко давно умершихъ или недавно родившихся,—такъ что хозяиномъ оказывался не отецъ, а самый младшій сынъ! Въ томъ же уѣздѣ выбрали даже бѣя, котораго и имени не было въ спискѣ хозяевъ.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ, къ подобнымъ же слухамъ присоединилось еще то обстоятельство, что бѣя, съѣхавшіеся на торги для поставки саксаула, получивъ извѣщеніе изъ положенія (въ переводѣ на киргизскій языкъ) выдали его за приказъ собрать съ народа деньги. Результатомъ этого было то, что около 500 кибитокъ уключало въ оренбургскія степи, а болѣе 1,200 въ Хиву.

Какъ легко удавалось киргизамъ уклоняться отъ записи, можно судить изъ того, что когда до генерала Колпаковского ¹⁾ дошли слухи о пропускахъ, сдѣланныхъ вѣрненскою комиссіей, то онъ самъ поѣхалъ провѣрить одну волость и, при помощи своихъ агентовъ, нашелъ 324 кибитки, не попавшія въ перепись. Комиссія это было поставлено на видъ, и при второмъ объѣздѣ она сама нашла еще 4,266 кибитокъ, всего же, противъ прежняго счета, открылось 12,815 лишнихъ кибитокъ.

Въ Токмакскомъ уѣздѣ открыто . . .	3,711
» Кональскомъ	3,660
» Сергіопольскомъ	1,222
» Иссык-кульскомъ	308
А всего	26,716

Степная комиссія считала, что по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ всего числа кибитокъ скрывается отъ обложенія податью, и потому опредѣляла все число кибитокъ Семирѣченской области въ 62,000. Организационныя комиссіи записали 104,811 кибитокъ, слѣдовательно, противъ счета степной комиссіи на 42,812 кибитокъ болѣе, а это составляетъ почти 65%, то-есть не $\frac{1}{3}$, а $\frac{2}{3}$ кибитокъ укрывались отъ подати!

Самый порядокъ переписи въ семирѣченскихъ уѣздахъ былъ такой: прибывъ въ аулъ, тотчасъ собирали юртовладѣльцевъ и переписывали имена ихъ, съ отмѣткой числа кибитокъ, принадлежащихъ каждому. Повѣрка числа юртъ производилась при

¹⁾ Вышшаго тогда губернаторомъ Семирѣченской области.

перекличкѣ выборныхъ десятниковъ и пятидесятниковъ, какъ для простоты называли депутатовъ-избирателей. Вызывая депутата, одинъ изъ членовъ спрашивалъ его, отъ кого онъ выбранъ, а другой отмѣчалъ по списку его показанія, и кого пѣтъ, того вписывали. Для скорости, въ Токмакскомъ уѣздѣ дѣлалось такъ: въ одинъ центральный аулъ собирали выборныхъ изъ окрестныхъ ауловъ, гдѣ списки поручалось составить старому волостному; списки эти повѣрялись десяточными, затѣмъ, нововыбранному волостному также приказывалось составить списки и затѣмъ производилась перекрестная повѣрка. Если являлось сомнѣніе, то при объѣздѣ комиссія повѣряла на выдержку 1 аулъ съ волости.

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ также собирали по 1,000 и болѣе юртовладѣльцевъ въ центральные пункты и тамъ записывали; но какъ это производилось во время уразы ¹⁾, то народъ собирался весьма неохотно, и мы уже знаемъ, сколько комиссіей было пропущено кибитокъ.

Въ Сергіопольскомъ уѣздѣ придумано было каждому юртовладѣльцу выдавать особый *билетъ* на право кочевать въ извѣстномъ, указанномъ самимъ киргизомъ, мѣстѣ. Киргизы брали билеты весьма охотно, такъ какъ это походило на документъ, закрѣплявшій за ними землю. При объѣздѣ же, комиссія спрашивала билеты и сейчасъ открывала, кого не было на сборномъ пунктѣ. Мысль удачная и вполне отвѣчающая цѣли.

Для ознакомленія народа съ новыми порядками, генералъ Колпаковский велѣлъ перевести на киргизскій языкъ нѣкоторые параграфы положенія (130—135, 181—213 и отъ 151 по 171), касавшіеся киргизовъ. Переводы эти были розданы по одному на волость. Такъ какъ у разныхъ султановъ было много *теленгутовъ*, рабовъ, которые объявлены были нами свободными, и какъ, кромѣ того, оказалось много всякаго сброда изъ батраковъ, бѣдняковъ, оставшихъ отъ своего рода, то ихъ приказано размѣстить по разнымъ волостямъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы они ни въ одной не оказались большинствомъ. Въ Кональскомъ уѣздѣ, гдѣ волости часто приходилось составлять изъ нѣсколькихъ родовъ, генералъ Колпаковский разрѣшилъ *уравнивать* число избирателей отъ слабыхъ и сильныхъ родовъ: слабые выставляли для выбора волостного не по одному отъ 50 кибитокъ, а по одному съ 45-ти, съ 35-ти и даже съ 25-ти, то-есть уже по *два* отъ 50-ти кибитокъ. Такимъ образомъ, сильные роды не могли подавить слабыхъ большинствомъ голосовъ и не могли навязать имъ

¹⁾ Мусульманскій постъ.

своихъ волостныхъ, бѣевъ и членовъ хозяйственныхъ управленій. Потомки знаменитаго хана Аблая, считающіеся теперь въ числѣ 19-ти кибитокъ въ Вѣрненскомъ и нѣсколькихъ еще (сколько именно — я цифры не нашелъ) въ Копальскомъ, навсегда освобождены отъ всякихъ податей. Право это переходитъ, впрочемъ, только къ старшему въ родѣ и потому обложенныхъ *оссида* будетъ только то число, какое записано въ организацію 1868 года. Аулы составлялись изъ 150—200 сосѣднихъ кибитокъ; изъ 8—11 ауловъ составлялась волость. Такимъ образомъ, волость составлялась изъ 1500—2000 юртъ; если въ составъ ея входило бѣдное населеніе, то волость дѣлалась сильнѣе числомъ кибитокъ, чтобы легче могла содержать своихъ представителей. Къ границамъ области волости дѣлались *мельче*, даже до 800 кибитокъ; цѣль была та, чтобы облегчить волостному наблюденіе за порядкомъ, что въ особенности нужно и въ особенности трудно именно на границахъ.

Названія волостямъ давались по урочищамъ и рѣкамъ, что давало возможность, по одному названію, знать, гдѣ она расположена и, кромѣ того, родовыя имена по-немногу исчезаютъ. Всѣ комиссіи почти безъ исключенія держались такого правила, отдавая преимущество территориальному началу передъ родовымъ. Основаніемъ для границъ волости приняты были зимнія кочевки и пашни: лѣтнія пельзы было принять за основаніе, потому что иные роды откочевываютъ весьма далеко. Комиссіи ограничивались только приведеніемъ въ извѣстность мѣста лѣтнихъ и лишь въ случаяхъ, когда онѣ были не далеко отъ зимовокъ — ихъ включали также въ границы волости. Выборы волостныхъ производились закрытой баллотировкой записками. Правду сказать, это было нѣсколько неясно: какъ можетъ *написать* записку неграмотный? А если за него пишетъ другой, то это ужъ никакъ не *закрытая* баллотировка... Списокъ избранныхъ представлялся губернатору, который иногда и не утверждалъ выбора, а *назначалъ* забаллотированнаго. Это хотя и разрушало принципъ выбора, но въ виду новостіи дѣла для самихъ киргизовъ было совершенно неизбежно. Въ Копальскомъ уѣздѣ, напримѣръ, выбрали однажды совершенно дряхлаго, 87-ми-лѣтняго старика, а кандидатомъ къ нему человека необыкновенно тучнаго и пораженнаго хроническимъ ревматизмомъ! Понятно, что оставить народу выбранныхъ имъ точно на потѣху — было пельзы. Случалось также, что выборъ падалъ на лицъ неблагонадежныхъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніяхъ. Жалованье аульнымъ старшинамъ назначалось выборными отъ 50-ти кибитокъ, и одинаковое по

всей волости — отъ 50 до 125 рублей. Волостнымъ назначалось отъ 400 до 600 руб., считая съ разсылными. Были случаи, что должностные отказывались отъ жалованья. Такъ, въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ трое волостныхъ и всѣ аульные старшины въ двухъ волостяхъ отказались отъ жалованья, сохранивъ только назначенныя имъ на содержаніе джигитовъ-разсылныхъ — по 70 р. въ годъ (волостнымъ по 150 р.). Раскладка податей производилась при второмъ объѣздѣ. Среднимъ счетомъ каждая кибитка должна была платить по 3 р. 73²/₃ коп., считая въ томъ числѣ и расходы на администрацію. Реформа встрѣчена была населеніемъ Семирѣчья съ довѣріемъ и благодарностію — въ этомъ заслуга организаціонныхъ комиссій, которыя такимъ образомъ сумѣли разъяснить дѣло какъ слѣдуетъ.

Только въ одномъ Токмакскомъ уѣздѣ сарабагини постарались отойти подальше отъ административнаго центра и, двигаясь на востокъ, потѣснили богинцевъ, которые, не будучи въ силахъ отразить баранту и сберечь скотъ отъ расхищенія, вынуждены были уступить свои мѣста. Сарабагини заняли, такимъ образомъ, даже пашни богинцевъ по р. Кунгею. Въ степныхъ уѣздахъ Сырдарьинской области нѣкоторый непорядокъ произошелъ только въ Казалинскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ сказано, откочевало 1,728 кибитокъ (482 въ оренбургскую степь и 1,246 въ Хиву), вслѣдствіе плутовства бѣевъ. Въ Аулие-атинскомъ уѣздѣ киргизы, по примѣру вѣрненскихъ, хотѣли составлять волости по родамъ, не соединяясь по нѣскольку родовъ въ одну волость, такъ какъ каждый родъ хотѣлъ избрать своего волостного. Предсѣдатель комиссіи, артиллеріи капитанъ Мѣдинскій, обошелся безъ всякаго шума и весьма просто: онъ удалилъ изъ толпы наиболѣе вліятельныхъ людей, заинтересованныхъ почему-либо въ выборѣ, и толпа согласилась на все.

Казалинская комиссія (предсѣдатель — генеральнаго штаба капитанъ Соболевъ) сочла нужнымъ отступить въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ указаній инструкціи. Во-первыхъ, аулы формировались не изъ 200, а изъ 300 и 400 кибитокъ; волости изъ 1,750—2,254 кибитокъ. Бѣи выбраны были для *каждаго аула*, въ видахъ облегченія народа, а не по 4 на всю волость. Киргизы просили еще опредѣлить имъ и *аульныя границы*, такъ какъ зимою, при наплывѣ кочевниковъ изъ другихъ родовъ, является недостатокъ въ топливѣ и кормѣ. Просьба эта была удовлетворена, что заслуживаетъ одобренія уже въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ на первый планъ поземельные интересы. При раскладкѣ податей оказалось, что большая часть выборныхъ не

знали и не понимали, какъ надо взяться за дѣло, какъ разложить всю причитающуюся съ волости сумму по ауламъ, чтобы это вышло *уравнительно* и пропорціонально богатству ихъ. Комиссія должна была произвести эту раскладку сама. При опредѣленіи границъ волостей, оказалось невозможнымъ включить въ нихъ и дѣтровки, такъ какъ чумекесцы, дюрткаринцы, аттыпцы, китинцы, чиклины, якнасы и др. уходятъ на рр. Пргизъ и Тургай и далѣе, до Орска, особенно, когда на Сырѣ легкая зима и потому ожидается сухое лѣто. На западъ названные роды доходятъ до Малыхъ-Барсуковъ. Кромѣ того, *минини* ¹⁾, разбогатѣвъ теперь, также тянутся кочевать на сѣверъ.

Въ видахъ административныхъ, полезно было бы присоединить Пргизскій и Тургайскій уѣзды къ туркестанскому генералъ-губернаторству, такъ какъ дѣтомъ въ нихъ переселяется почти весь Казалинскій уѣздъ, спасающій свои стада отъ сыръ-дарьинскаго овода.

Прежде чѣмъ приступить къ организаціи остальныхъ уѣздовъ Сыръ-дарьинской области, въ которыхъ приходилось имѣть дѣло уже съ осѣдлымъ населеніемъ—надобно было произвести предварительный опытъ на Ташкентѣ. Принявъ реформу, Ташкентъ послужилъ бы хорошимъ примѣромъ и другимъ городамъ, что казалось тѣмъ важнѣе, что осѣдлыхъ туземцевъ, какъ болѣе знакомыхъ съ тонкостями мусульманскаго ученія, у насъ считали менѣе склонными къ реформѣ, чѣмъ киргизовъ. Кромѣ того, на Ташкентѣ могли подучиться, собранные на этотъ случай, члены другихъ комиссій, люди болѣею частью новыя, только что прибывшіе изъ Россіи и вовсе съ нами незнакомые.

Для организаціи г. Ташкента была сформирована комиссія изъ нѣсколькихъ отдѣленій, подъ предѣлательствомъ ген.-м. Гейнса. Составленіе списковъ и здѣсь встрѣтило много затрудненій. При опасеніи возбудить открытое сопротивленіе и при нежеланіи нарушить народныя обычаи, комиссія избѣгала входить въ дворы, а при такомъ своеобразномъ характерѣ построекъ, каковы здѣшнія, весьма легко замаскировать не только домъ, но и цѣлую улицу: загородить входъ арбой, замазуть калитку глиной и увѣряють, что тутъ не жилище, а сады. Входить для проверки было запрещено, и приходилось отмѣчать садомъ чуть не цѣлый кварталъ!

Для разъясненія жителямъ касавшихся ихъ параграфовъ проекта

¹⁾ Видяки киргизы, не имѣвшіе скота и средствъ къ кочевкѣ и потому занятыя земледѣіемъ. Ихъ въ 1868 г. считано 4,836 кибитокъ.

положенія—приглашены были въ комиссію улемы, казіи, аксакалы и другіе почетные туземцы. Нѣкоторые параграфы вызвали возраженія со стороны улемовъ. Нашли, напримѣръ, что *выбора* казія допустить отнюдь нельзя, ибо это будетъ нарушеніемъ шаріата; нельзя также отмѣнять права казіевъ приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отсѣченію членовъ и къ смертной казни; наконецъ и народная перепись противна шаріату. Первое возраженіе было устранено чтеніемъ изъ шаріата того мѣста книги *Фазиль-Гамиди*, гдѣ говорится, что если начальникъ города *не мусульманинъ*, то *избраніе* казія зависитъ отъ мусульманъ, и если избранный согласится, то долженъ быть допущенъ къ должности. На протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, установленныхъ шаріатомъ, было сказано, что такова высочайшая воля, и что если во всей Россіи это уничтожено, то и здѣсь не будетъ исключенія. Тогда нѣкоторые улемы просили оставить за казіями хоть право налагать штрафы, какъ это установлено шаріатомъ; на это имъ предоставлено составить особый кодексъ въ одномъ изъ будущихъ сѣздовъ. Что касается переписи, то собраннымъ туземцамъ было указано, что шаріатъ не допускаетъ только *личной* переписи, а дома, дворы, скотъ, количество урожая и т. п. могутъ быть предметами переписи. Самая уплата хераджа, танапа и зякета немислима безъ счета, безъ переписи. Наконецъ, 60 лѣтъ назадъ Алимъ, ханъ коканскій, произвелъ же народную перепись—правда, что онъ далъ торжественную клятву въ мечети, что это онъ дѣлаетъ въ послѣдній разъ. Казіи находили также неудобнымъ ношеніе бронзовыхъ знаковъ своего званія, такъ какъ изображенія вообще, а выпуклыя въ особенности—строго воспрещены кораномъ ¹⁾. Неудобно также вводить форменныя печати, по случаю изображенія на нихъ орла. Это, конечно, были вопросы не существенныя, а между тѣмъ могли возбудить разные толки и дать пищу фанатизму. Поэтому рѣшено было ни знаковъ, ни печатей не вводить.

Въ мартѣ 1868 года приступлено было къ организаціи остальныхъ уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Наиболѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудненій представлялъ Кураминскій уѣздъ, въ которомъ собрались представители всѣхъ народностей русскаго Туркестана и всѣхъ ступеней гражданственности: тутъ, рядомъ съ кочевымъ киргизомъ, видишь полукошачевого сарта, полу-осѣдлаго кир-

¹⁾ Послѣ занятія Самарканда, 2-го мая 1868, ген.-губернаторъ роздалъ нѣсколько медалей, но кази-калий отказался надѣть *суретъ* (портретъ), ибо законъ не позволяетъ, а кази долженъ показывать другимъ примѣръ.

гиза, а рядомъ съ осѣдлымъ сартомъ и таджикомъ, видишь осѣдлаго киргиза; видишь, наконецъ, особый типъ, свойственный только Кураминскому уѣзду—курама. Несмотря на затрудненія коммисіи, подъ предѣлительствомъ маіора Колзакова, скоро и толково повела дѣло, собравъ попутно довольно обстоятельныя данныя по топографіи уѣзда, этнографіи его и экономической дѣятельности населенія.

Организаціи Кураминскаго уѣзда и наблюденіямъ нашимъ мы посвятимъ нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Всѣ почти коммисіи окончили свои занятія въ теченіи 1868 года. Замѣшкатель только чемкентская, и пропустила время, такъ что киргизы успѣли откочевать раннею весною. Пришлось работать и зимою на 1869 годъ; но и тутъ дѣло шло весьма вяло, а потому въ помощъ чемкентской коммисіи былъ посланъ одинъ изъ членовъ кураминской, который и докопчилъ дѣло организаціи этого уѣзда.

Джизакская коммисія и вовсе ничего почти не сдѣлала въ теченіи двухъ лѣтъ. Сначала ея работамъ мѣшала начавшаяся кампанія противъ бухарцевъ (такъ-называемая самаркандская экспедиція), а потомъ отсутствіе уѣзднаго начальника. Теперь, какъ извѣстно, уѣздъ этотъ упраздненъ вовсе. Главная заслуга организаціонныхъ коммисій заключается въ томъ, что онѣ сумѣли внушить къ себѣ довѣріе въ народѣ, сумѣли разъяснить ему цѣль и значеніе вводившейся реформы, которая поэтому и принята спокойно, съ довѣріемъ и признательностью.

Болѣе всего пришлось по праву населенію—отмѣна власти султановъ и мапановъ, давившихъ народъ поборами, затѣмъ право выбора всѣхъ ближайшихъ своихъ начальниковъ, раскладка податей пропорціонально состоянію, какъ процентъ съ дохода, и наконецъ, правильная организація народнаго суда. Успѣшность дѣйствій новыхъ, избранныхъ самимъ народомъ, представителей выразилась немедленно безпедомочнымъ поступленіемъ податей, затѣмъ и возрастаніемъ самой цифры этихъ податей. Кураминскій уѣздъ, напримѣръ, до организаціи въ 1867 г. вносилъ 81,980 р. 23³/₄ коп., а послѣ организаціи въ 1868 г. уже 244,172 р. 22¹/₄ к., въ 1869 году—277,889 р. 82¹/₄ к., да еще надобно прибавить къ этому общественные расходы и содержаніе туземныхъ властей въ 65,000 р., т.-е. 343,000 р.,—вчетверо болѣе того, что вносилось до организаціи. Правда, туземецъ платитъ несравненно меньше, чѣмъ русскій крестьянинъ; но если при увеличившейся вчетверо суммѣ податей недоимокъ все-таки не происходитъ, то это, конечно, слѣдуетъ отнести не только къ за-

ботливости уѣздной администраціи, но и къ заслугѣ низшихъ исполнителей, выбранныхъ изъ среды народа и самимъ народомъ.

Кураминская организаціонная коммисія приступила къ работѣ съ предвзятою мыслью о неизбежности противодѣйствія со стороны мусульманскаго населенія. Она думала найти, съ одной стороны—кочевника, проникнутаго родовыми преданіями, гордаго своимъ степнымъ просторомъ и волею, съ другой—степеннаго, скрытнаго и фанатичнаго сарта.

При первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, коммисія увидѣла ошибочность своихъ предположеній. Она увидѣла киргиза-земледѣльца, киргиза-осѣдлаго, увидѣла его кипчакъ изъ камышевыхъ кибитокъ, обмазанныхъ глиной и, значитъ, прикованныхъ уже къ землѣ, нашла кипчаки и изъ глиняныхъ домовъ. Оказалось, что для такого киргиза—родъ остается только послѣднимъ отголоскомъ безвозвратно минувшаго времени, пустымъ звукомъ безъ значенія: родовыхъ интересовъ уже нѣтъ и слѣда, потому что нѣтъ ни родовыхъ зимовокъ, ни родовыхъ лѣтовокъ—все роды перемѣнились въ одну безхарактерную массу съ преобладаніемъ интересовъ уже не отвлеченныхъ—родовыхъ, а осязаемыхъ—территоріальныхъ. Явились заботы объ общемъ арыкѣ, объ общей землѣ, о границахъ участка и т. п. Понятіе же о родѣ напоминало еще о себѣ только при сборѣ кибиточной подати, да и то потому, что она собиралась бѣями, офиціальными представителями рода. Но бѣи эти не были старшими въ родѣ, не были ни султанами, ни мапанами, къ власти которыхъ искони привыкъ ихъ родъ. Это были, напротивъ, плебеи, чернь, простая «черная кость» (кара-сюокъ), и выдвинулись не избраніемъ народнымъ, не первородствомъ, а произволомъ коканскихъ, а потомъ и русскихъ властей. Такіе бѣи не пользовались, конечно, ни должнымъ уваженіемъ, ни значеніемъ, свойственнымъ званію, если оно доставалось *законно*, т.-е. по обычаю. Такіе бѣи держались только страхомъ, какой успѣвали внушить, благодаря поддержкѣ со стороны власти, ихъ поставившей, и потому понятно, что они чаще всего возбуждали къ себѣ только ненависть и презрѣніе со стороны подчиненныхъ имъ людей. Безразличное отношеніе, почти равнодушіе къ мусульманству и забота о насущномъ хлѣбѣ—способны были обломать, сгладить все углы киргизскаго характера. Привыкнувъ уже къ кое-какимъ удобствамъ, усвоеннымъ отъ сосѣда таджика или сарта, утратившіи всякую связь съ родомъ—киргизъ представлялъ готовую почву для какихъ угодно насажденій.

Что касается сарта, то и въ немъ коммисія не нашла фа-

патика. Охваченные со всѣхъ сторонъ киргизскимъ населеніемъ — сарты также утратили постепенно многія изъ своихъ характерныхъ чертъ. Взаимодѣйствіе народностей не прошло безслѣдно и для нихъ. Сталкиваясь съ киргизомъ на базарѣ, на папнѣ, на судѣ, не встрѣчая ни въ комъ и пугдѣ противорѣчія своему религіозному воззрѣнію, а слѣдовательно, и не находя борьбы, которая бы возбуждала и питала фанатизмъ, кураминскій сартъ могъ только сдѣлаться ханжею, лицомъ бромъ, для котораго довольно и однихъ обрядовъ. Такимъ образомъ и сартъ оказался годнымъ для передѣлки матеріаломъ, хотя и менѣе податливымъ, чѣмъ киргизъ. Но и киргизъ, и сартъ явились сначала апатичными и равнодушными къ новымъ порядкамъ. Волновалась, рябила лишь поверхность, да и то потому, что искала мѣстъ и жалованья. Внизу, въ массѣ, царилъ тишъ невозмутимая — этимъ сказалось отсутствіе религіознаго фанатизма и ничтожность вліянія туземнаго духовенства. Въ большихъ городахъ, каковы Ташкентъ, Джизакъ, Ходжентъ и т. п., гдѣ множество мечетей, а слѣдовательно, и муллъ, комиссіи встрѣчали не только затаенное противодѣйствіе, но иногда и явное сопротивленіе.

То же явленіе замѣчено и въ уѣздѣ: Бискентъ и старый Чипазъ, какъ наиболѣе населенные центры, выказали нѣкоторое противодѣйствіе, и если оно не имѣло вредныхъ послѣдствій, не помѣняло мирному ходу и успѣху работъ, то единственно потому, что къ организаціи этихъ центровъ комиссія приступила не въ началѣ, а въ концѣ своихъ работъ, когда за нею были уже 6 мѣсяцевъ опыта, достаточное знакомство съ характеромъ народа, а главное — примѣръ припавшихъ уже новое положеніе. Копчилось тѣмъ, что недовольный вначалѣ народъ, возбужденный ложными слухами и подстрекательствами нѣсколькихъ честолюбцевъ — высказывалъ въ послѣдствіи признательность за порядокъ и тишину, которые у него водворились тотчасъ, какъ только введена была правильная система администраціи.

Старые порядки или, вѣрнѣе, безпорядки привели дѣла въ хаотическое состояніе: въ уѣздѣ господствовала полная анархія. Мѣстная русская власть стояла одиноко, безъ возможности дѣйствовать и въ самомъ неопредѣленномъ, какъ къ высшимъ, т. е. русскимъ властямъ, такъ и къ народу и его представителямъ. Созданный при генералѣ Романовскомъ новый органъ власти — такъ-называемое *мехкеме* (совѣтъ, дума) — смѣшивало въ себѣ и права судебной инстанціи, и права совѣта по всѣмъ дѣламъ. При такомъ всеобъемлющемъ характерѣ мехкеме — оно скоро сдѣлалось гнѣздомъ интригъ, взаимной вражды и продажности.

Территоріальныхъ дѣленій никакихъ не было. Вся задача управленія сводилась исключительно къ сбору податей, а разъ, что сборы были не одинаковы съ кочевниковъ и осѣдлыхъ, то и подраздѣленія уѣзда были не территоріальныя, а скорѣе этнографическія. При этомъ величина подраздѣленій была весьма неравнобѣрна, а границы ихъ вовсе не опредѣлены. Отсюда — череполощина со всѣми ея послѣдствіями. Народъ не зналъ въ точности, кто именно уполномоченъ взимать съ него подати, и жалобы на неправильности, на вторичное взысканіе податей двумя разными сборщиками — были нерѣдки. Русская власть не знала, съ кого именно и сколько собрано. Сборщикъ самъ опредѣлялъ, сколько тотъ или другой хозяинъ долженъ внести въ казну, сообразно съ урожаемъ, но оцѣнка урожая, измѣреніе площади засѣяннаго участка — такія хитрыя дѣйствія, что никакой контроль здѣсь невозможенъ, и потому весьма естественно, что сборщики могли смѣло оставлять въ своихъ карманахъ львиную долю.

Киргизское населеніе управлялось родовыми бѣями, старшими и младшими, и арыкъ-аксакалами. Бѣи зачирчипскіе почти не жили въ средѣ управляемаго ими народа, а стремились въ Ташкентъ, поближе къ главному начальству, а слѣдовательно и къ милостямъ. Народъ, конечно, тянулъ въ Той-тюбе къ русскому чинповнику, завѣдывавшему населеніемъ. Какъ могъ управлять киргизами этотъ чиновникъ, когда ближайшіе его помощники, бѣи, почти постоянно отсутствовали — трудно себѣ представить. Осѣдлое населеніе, къ которому въ то время причисляли только сартовъ, кураминцевъ и таджиковъ, также не могло похвалиться благоустройствомъ управленія. Кое-гдѣ и существовало что-то въ родѣ волостныхъ управителей, но то были либо русскіе ставленники, не имѣвшіе сами по себѣ никакого значенія и власти, либо прежніе серкеры, присвоившіе себѣ эту власть въ послѣднія времена коканскаго владычества и сдѣлавшіеся изъ простыхъ сборщиковъ податей полновластными господами своего округа.

Какъ ни противорѣчилъ такой порядокъ нашимъ интересамъ, все же онъ былъ лучше совершеннаго отсутствія волостныхъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда. Невыгоды такого порядка вещей сказывались весьма чувствительно, когда русской власти приходилось при каждомъ своемъ распоряженіи сноситься со множествомъ мелкихъ деревенскихъ старшинъ. Необходимость передаточныхъ инстанцій вызвала къ жизни множество *самозванныхъ* помощниковъ русскаго начальника. Это были, такъ сказать, чиновники особыхъ порученій изъ туземцевъ. Ненося

никакого оффиціального званія, они довольствовались только выдаваемымъ на ихъ долю почетомъ и вліяніемъ, изъ которыхъ умѣли извлекать и прямыя матеріальныя выгоды. Сотрудники эти, не имѣя подъ ногами никакой законной почвы и зная, что одинъ дурной пріемъ у русскаго начальника можетъ лишить ихъ въ глазахъ народа всякаго значенія — лавировали между народамъ и русскою властью, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ. На оффиціальномъ языкѣ эти люди причислялись вообще къ категоріи «вліятельныхъ или почетныхъ лицъ изъ туземцевъ». Ихъ назначали въ депутаціи, выставляли при встрѣчахъ начальства и т. п., а выдаваемый при этомъ случаѣ халатъ съ галунами или медаль — навсегда закрѣпляли за пролазной титулъ «почетнаго лица».

При первомъ взглядѣ обиліе «почетныхъ лицъ» въ Курамѣ могло привести заѣзжаго человѣка въ полнѣйшее уныніе; но самое поверхностное ознакомленіе съ дѣломъ ясно показывало, что въ сущности «вліятельныхъ» нѣтъ ни одного, что они свѣтили только свѣтомъ, заимствованнымъ отъ русской власти, и что народъ быстро забывалъ своего непрошеннаго представителя, своего ходола, какъ только власть переставала его поддерживать.

Къ сожалѣнію, первые представители русской власти плохо понимали дѣло, были не въ состояніи оцѣнить свое положеніе, вѣрять свои силы и потому вступали въ компромиссы, смотрѣли сквозь пальцы на подвиги такихъ самозванныхъ старшинъ, каковъ напримѣръ, злодѣй *Мулла-Арзъ*¹⁾, и подобные.

Это, конечно, вело за собою безурядицу въ управленіи и обнаруживало передъ народамъ слабость русской власти. Но кромѣ ошибокъ, проистекавшихъ отъ взгляда на дѣло второстепенныхъ русскихъ дѣятелей — и вся тогдашняя система нашего управленія страдала излишнимъ смиренномудріемъ. Мы боялись затронуть вѣрованія и предрасудки народа, боялись возбудить фанатизмъ печальнымъ нарушеніемъ какого-нибудь правила шариата. Это много повредило дѣлу цивилизаціи и надолго отодвинуло рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ. Многое, что могло быть введено въ 1865 году однимъ почеркомъ пера — теперь требуетъ долгихъ годовъ постепенной подготовки. Правда, что мы явились сюда только во всеоружіи силы и безъ знанія — ни бытъ, ни характеръ, ни законы туземцевъ намъ извѣстны не были.

¹⁾ Въ 1868 году его, наконецъ, сослали въ Сибирь, но онъ скоро бѣжалъ отсюда, однако же былъ пойманъ въ 1869 г. и снова сосланъ.

Шариатъ, котораго мы не вѣдали, служилъ для насъ пугаломъ, и вотъ причина, почему казіямъ и въ особенности такимъ, которые выдавались ханжествомъ, а слѣдовательно, были для насъ наиболѣе опасны — предоставлена была полная свобода отправлять правосудіе, какъ они знаютъ.

Самые святыя изъ ханжей казіевъ быстро выдвинулись во мнѣніи главныхъ русскихъ начальниковъ въ краѣ и какъ нельзя лучше воспользовались этимъ, обративъ другихъ казіевъ въ своихъ подручныхъ и распространивъ черезъ нихъ свое вліяніе на огромныя пространства. Наши губернаторы, рассчитывая заслужить популяриность въ покоренномъ народѣ — утвердили за такими ханжами титулъ *казы-калыновъ*, «верховныхъ судей», которые и сдѣлались оффиціальными покровителями всякихъ ханжей, муллоу, улемовъ и дувановъ. Понятно, затѣмъ, что туземецъ, служившій вѣрно нашимъ интересамъ, терялъ въ народѣ всякую почву, какъ только узаконенный нами старшій законовѣдъ, толкователь шариата (сартовскій митрополитъ, какъ его называютъ наши солдаты), заклеивалъ этого туземца названіемъ *кафира*, невѣрнаго.

Только равнодушіе массы, да отчасти спасительный страхъ поддерживали должный порядокъ; но ко времени введенія новаго положенія уже начали проявляться отдѣльныя примѣры буйства, неповиновенія и ненужной смѣлости, хвастливости передъ русскою властію. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые святоши на приказаніе явиться въ управленіе отвѣчали, что-де «во время *ураза* (мусульманскій постъ) мы лежимъ на брюхѣ, вознося мысли къ Богу и потому явиться не можемъ».

Такой порядокъ вещей самъ по себѣ указывалъ уже на необходимость реформы, и надо сознаться, что эта реформа подошла весьма кстати. Она положила конецъ дальнѣйшему развитію такого вреднаго направленія умовъ и разомъ повернула дѣло на новый, твердый путь. Тотъ же святоша, что прежде въ уразѣ считалъ себя вправѣ не повиноваться приказу русскаго начальника — теперь, переставленный на новую должность, скачетъ, сломя голову, по первому зову, и, несмотря ни на что, безъ оговорокъ — собираетъ кибиточную подать со своей бывшей паствы! Фанатизмъ, такимъ образомъ, легко уживается съ выгодами, и если не нуженъ — удобно укладывается въ карманъ. Выборныя власти теперь твердо знаютъ, что у народа имъ нечего записывать, что русская власть требуетъ только честной службы, а такая служба одинаково угодна и народу; что, наконецъ, русская власть и милуетъ, и караетъ, руководствуясь при этомъ не степенью пресловутой вліятельности лица, а лишь заслугами

или проступками его. Новопоставленные власти, поднятыя нерѣдко изъ ничтожества, стали въ независимое положеніе относительно народа и тверже въ своихъ законныхъ требованіяхъ. Кто же уцѣлѣлъ изъ старыхъ старинныхъ, тотъ замѣтно притихъ и прежнее наглое казнокрадство исчезло.

Народъ во-очію убѣдился въ безсиліи своихъ прежнихъ кумировъ. Попытки о равенствѣ передъ закономъ, которыя старалась проводить русская администрація, оказались мало отвѣчающими укоренившимся обычаямъ, по это не остановило дѣла. Какъ образецъ понятій объ этомъ народа, можно указать жалобу выборныхъ уральской волости на своего старшину за то, что «онъ не смотритъ ни на кого, не различаетъ большого отъ малого, одинаково со всѣхъ взыскиваетъ и никому не дѣлаетъ ни въ чемъ уваженія». Попытка объяснить выборнымъ противорѣчіе ихъ взгляда съ закономъ и справедливостью осталась тщетною. Это было выше ихъ пониманія, и потому имъ просто приказано слушаться.

Согласно проекту положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семпрѣченской областяхъ, организационнымъ комиссіямъ предложено было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ, названія имъ давать по нумерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости; волости формировать изъ 1000 и до 2000 кибитокъ, названія имъ давать или по тому роду, который въ волости преобладаетъ, или по урочищу, гдѣ расположены его зимнія стойбища. Во время работъ комиссія должны были обходить вопросъ о податяхъ и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить о знакахъ или бляхахъ для старшинъ и судей и форменныхъ печатяхъ. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей, рѣшено учредить въ каждомъ уѣздѣ нѣсколько хозяйственныхъ управленій, подчиняя вѣдѣнію cadaго отъ 8-ми до 10-ти волостей. Каждая волость выбираетъ въ свое хозяйственное управленіе отъ 2-хъ до 3-хъ членовъ.

Организаціонная комиссія ¹⁾ приступила къ работамъ 15-го марта 1868 г. и окончила ихъ 6-го декабря того же года. Съ перваго же шага комиссія увидѣла невозможность придерживаться всѣхъ предположеній данной программы. Начать съ того, что составлять особые аксакальства для осѣдлыхъ представлялось весьма неудобнымъ на томъ основаніи, что кншлаки

¹⁾ Предсѣдатель майоръ Колзаконъ, члены: артилл. шт.-кап. Астафьевъ, капит. Гребенкинъ, прап. баронъ Гревсницъ и титул. сов. Савенковъ.

весьма разбросаны, осѣдлые жители перемѣшаны съ кочевыми, да и самые кншлаки весьма малы. Понятное дѣло, что такимъ кншлакамъ весьма трудно было бы содержать свое *особое* управленіе и, сверхъ того, еще общее съ кочевымъ населеніемъ. Затѣмъ, выдѣленіе этихъ кншлаковъ въ особые аксакальства дало бы поводъ къ спорамъ за арыки, принудило бы собирать мелкіе кншлаки, какъ бисеръ, на 70 верстъ въ окружности, что затруднило бы полицейскій надзоръ и повѣрку сборщиковъ податей (сборы производились не по кншлакамъ отдѣльно, а по арыку). Всѣ эти соображенія заставили комиссію ходатайствовать о разрѣшеніи ввести кншлаки въ составъ волостей, не выдѣляя осѣдлыхъ въ особое отъ кочевыхъ управленіе. Это казалось тѣмъ выгоднѣе, что при сведеніи сартовъ и киргизовъ въ одну волость большинство, и слѣдовательно преобладаніе на выборахъ, оказалось бы на сторонѣ киргизовъ—элемента болѣе для насъ удобнаго. Ходатайство это было уважено и комиссія, не связанная болѣе *буквой* проекта положенія, повела дѣло быстро и рѣшительно. Въ смѣшанныхъ волостяхъ народу предоставлено было выбрать и казіевъ и биевъ; осѣдлые судились у казіевъ, кочевые у биевъ. Такимъ образомъ въ каждомъ кншлакѣ явился свой казіи, въ каждомъ аулѣ свой бій; народу это было весьма удобно, ибо для суда не надобно было далеко ходить, розыскивая судей по всей волости, какъ это случилось бы въ томъ случаѣ, когда было бы выбрано на всю волость 4—8 судей, безъ опредѣленія границъ ихъ вѣдѣнія. При этомъ кто бойчѣе, тотъ и практики имѣлъ бы больше, прибралъ бы къ рукамъ всю судебную власть и сдѣлался бы болѣе вліятельнымъ, чѣмъ то намъ считалось нужнымъ.

Степная комиссія оставила такой порядокъ, какъ уступку мѣстнымъ обычаямъ, но при введеніи ея проекта въ практику пришлось измѣнить и этотъ пунктъ. Власть волостного, а также аульнаго старшины не имѣетъ корней въ прошломъ, не живетъ въ преданіяхъ народа, носитъ даже чужеземное имя. Волостной, какъ полицейскій, является агентомъ русской власти, тогда какъ бій, судья, есть хранитель преданія, старшины, обычая и народности. Очевидно, на чьей сторонѣ должна была быть симпатія. Для дѣла, конечно, лучше, если власть, вытекающая изъ русскихъ началъ, будетъ, силою вещей, расти и прививаться, а власть, оставленная въ видѣ уступки, умаляться и падать. При выборахъ не волостью, а ауломъ, выбираются не *первые* люди, извѣстные всему народу, а второстепенные, слава которыхъ не идетъ дальше аула. Такіе люди, конечно, не соперники волостному.

Самая должность казія и бія потеряла отчасти свою заманчивость, и потому ни одинъ святой не добивался чести быть казіемъ, ни одинъ родоначальникъ не лѣзъ въ бѣн, а то и другое было какъ нельзя болѣе кстати: въ эти должности попало много неграмотныхъ, которые—по совершенному незнакомству съ шаріатомъ—попозволѣ должны были судить только по обычаю и по совѣсти.

Киргизы такъ пастойчиво проводили своихъ кандидатовъ въ ущербъ сартовскимъ, что даже въ хозяйственныхъ управленіяхъ они явились преобладающими. Неграмотность этихъ членовъ нѣсколько озабочивала коммиссію, по опасенія оказались напрасными: киргизы весьма осторожно скрѣпляли документы своими печатями, а при сборѣ податей дѣйствовали *глазомъ* не хуже грамотныхъ. Для завѣдыванія арыками учреждены въ каждой волости особые арыкъ-аксакалы, вознагражденіе которымъ составлялъ прежде такъ-называемый *кепсель*, т.-е. отсыпка хлѣба 2 — 3 *чарика* (чарикъ — большая чалка), съ батмана зерна или отъ 1 до 6 чариковъ съ танана земли. Кепсель былъ отмѣненъ и вмѣсто него положено жалованье; *мирабы* или *тулаты* получали вознагражденіе отъ арыкъ-аксакаловъ, какъ ихъ помощники. Замѣчательно, что на жалованье своимъ избраннымъ народъ оказался весьма скупымъ и ни за что не хотѣлъ увеличить его. Казіямъ и біямъ предоставляло было довольствоваться только кази-лыккомъ и біи-лыккомъ—извѣстнымъ сборомъ съ тяжущихся.

Самый порядокъ выборовъ происходилъ такимъ образомъ: въ каждомъ аулѣ и кишлакѣ отъ каждыхъ 10 кибитокъ или 10 домовъ выставлялось по одному депутату; представители эти избирали аульнаго старшину и, сверхъ того, производили раскладку податей, наложенныхъ на ихъ аулъ депутатами отъ 50-ти кибитокъ. Эти послѣдніе, кромѣ раскладки между аулами и кишлаками податей, причитающихся съ ихъ волости, назначались еще для избранія волостного управителя. Такъ какъ выборъ народа нерѣдко подчинялся вліянію интриги и поэтому падалъ иногда на людей, не сочувствовавшихъ нововведеніямъ, то коммиссія предпочитала отступить отъ правила невмѣшательства и указывала народу на соответствующее лицо, то-есть выставляла официальнаго кандидата. Такое отступленіе отъ правилъ оправдывалось опасеніемъ подвергнуть риску великое дѣло организаціи при несоответствующемъ выборѣ исполнителей. Уѣздъ раздѣленъ былъ на 28 волостей, сгруппированныхъ въ три хозяйственныхъ управленія, названныхъ по главнымъ системамъ арыковъ: ангреновскимъ, кара-суйскимъ и чирчикскимъ. Выборы, произведенные въ первый разъ подъ вліяніемъ

коммиссіи, были въ болѣе части случаевъ удачны. Если нѣкоторые и не оправдали довѣрія, то это не могло особенно повредить дѣлу, такъ какъ утайка или растрата части собранныхъ податей всегда открывалась своевременно и недостающая сумма пополнялась родственниками виновнаго или даже его избираемыми.

Опытъ перваго же года убѣдилъ, что арыкъ-аксакалы не нужны. Они свалили всю тяжесть заботъ и наблюденія за арыками на мирабовъ, а сами только даромъ получали жалованье. На этомъ основаніи въ 1869 году должность арыкъ-аксакаловъ была упразднена, что дало сбереженія въ 18.000 р. ежегодно. Дѣятельность волостныхъ управителей аульных и кишлачныхъ старшинъ, будучи направляема одною властію уѣзнаго начальника, совершенно гармонировала съ правительственными цѣлями. Поддержаніе порядка и благочинія во вѣреныхъ ихъ управленію районахъ, а также сборъ податей составляли единственную заботу низшихъ административныхъ органовъ. Въ помощь къ нимъ, по сбору податей, командировались обыкновенно члены хозяйственныхъ управленій, какъ лица вполне подготовленные къ нашей системѣ отчетности и счетоводства. Впослѣдствіи (въ 1870 г.) уѣзною администраціею принято было за правило, посылать въ волости во время сборовъ податей членовъ *чужого* хозяйственнаго управленія для контроля. Члены чирчикской думы посылались, наиримѣръ, въ волости ангреновской думы, и наоборотъ. Этимъ дѣйствительно достигалась предполагаемая цѣль: подати вносились безнедоимочно, раскладка производилась правильно и самая сумма податей увеличивалась съ 81.980 р. на 244,172 р.

До введенія реформъ русская власть не опредѣляла заранее количества податей и довольствовалась тѣмъ, что дадутъ сборщики. Въ этомъ виновата была сама система сборовъ *въ прожитномъ содержаніи съ урожая* ¹⁾. Урожай такая неуловимая величина, что усчитать сборщика никакъ невозможно. Для этого пришлось бы, во-первыхъ, вычислить площадь запашки каждаго землевладѣльца — дѣло не легкое, а въ особенности когда весь уѣздъ надо вымѣрять въ какіе-нибудь два мѣсяца, въ пору сборовъ. Во-вторыхъ, пришлось бы опредѣлить: сколько можетъ быть собрано хлѣба съ каждаго участка? Понятно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ широко примѣнялся глазомѣръ и, конечно,

¹⁾ *Хераджъ*—десятое зерно съ зерновыхъ продуктовъ, *тананъ*—десятая часть съ того, что зернами не ссыпается, какъ арбузы, виноградъ, хлопокъ и т. п.

къ выгоды плательщика, а слѣдовательно, и сборщика. Такъ *глазотно* собиравались подати и во всемъ краѣ. Списки плательщиковъ и количество ихъ взносов писались на длинной — иногда въ нѣсколько сажень — хартии изъ приклеенныхъ одинъ къ другому листовъ лощеной бумаги. Хартии эти, писанныя по-сартовски, пугали русскихъ чиновниковъ размахами и письмами. Переводить ихъ не было никакой физической возможности, но немѣлкую достаточнаго числа переводчиковъ, и потому повѣрялись только итоги, затѣмъ деньги сдавались въ казну, а хартии свертывались въ трубки и укладывались на полки архивовъ. Впоследствии хартии передавались въ областное правленіе и въ контрольную палату, гдѣ, конечно, имъ придется также лежать на полкахъ. Говорятъ даже, что нѣмцы изъ прежнихъ «завѣдывающихъ туземнымъ населеніемъ», преспокойно вырѣзывали пожитками нѣсколько среднихъ листовъ съ ихъ итогами, а концы хартий, гдѣ были приложены печати сборщиковъ, склеивали снова. Эта операція давала возможность схоронить: деньги въ карманъ, а концы въ воду.

Какая бы причина тутъ ни дѣйствовала: злоупотребленія ли русскихъ чиновниковъ, плутовство ли туземныхъ сборщиковъ — фактъ остается въ своей силѣ и ни для кого не тайна, что доходы края возрасли чуть не вчетверо тотчасъ послѣ введенія реформы.

По всему округу доходъ въ 1868 году доходилъ до	1.006,657 р.
а въ 1870 „ былъ уже	1.958,880 „
Больше на	952,223 р.

Къ сожалѣнію, цифра дохода по всему округу за 1867 годъ, предшествовавшій реформѣ, мнѣ не извѣстна въ точности, и потому я остерегаюсь привести ее; но уже по одной цифрѣ дохода Кураминскаго уѣзда читатель можетъ видѣть, какая произошла разница. Сыръ-дарьинская обл. дала 1.652,862 р. 67 к., Семирѣченская 306,017 р. 53³/₄ к. Изъ всей суммы доходовъ Сыръ-дарьинской области русское населеніе въ 21,549 чел. внесло 182,838 р. 93 к. (пошлинами за право торговли, акцизами съ питей и т. п.). На каждаго приходится 8 р. 44 к. Туземцы, въ числѣ 931,660 душъ, внесли 1.470,023 р. 74 к. или по 1 р. 57³/₄ к. съ души.

Простое сравненіе относительнаго числа преступленій, совершаемыхъ средне-азіатцами и жителями Европейской Россіи, говоритъ уже въ пользу нашихъ новыхъ подданныхъ. Если же приять въ соображеніе низкую степень гражданского развитія какого-нибудь полудикаго киргиза, у котораго понятія о правѣ

собственности основываются до сихъ поръ на правѣ силы (что отбарантовалъ, то и его), у котораго даже личность гарантируется только собственными средствами (око за око, зубъ за зубъ), а кровь оплачивается куномъ — нитрафомъ, то слѣдуетъ удивляться относительному благодушію туземцевъ. Вопреки характеру народа, въ плоть и кровь его, законъ возмездія, тысячекратный гнетъ полнаго произвола деспотической власти, отсутствіе общедоступныхъ и общепонятныхъ законовъ — все это сравнительно еще слабо повліяло на народную нравственность.

Если отсутствіе писаннаго и чиста мѣстнаго, по духу и по языку, закона сдѣлало коранъ единственнымъ кодексомъ, а законодѣлніе — достояніемъ и орудіемъ меньшинства, за то арабскій языкъ корана и его чужеземныя тенденціи сдѣлали этотъ кодексъ не популярнымъ, а мулла и казіевъ, практиковавшихъ въ качествѣ судей и духовенства, — людьми сомнительными въ глазахъ народа, лишеннаго средствъ проверить изреченія своихъ оракуловъ, нерѣдко вѣщавшихъ въ разногласіи.

Относительное понятіе о справедливости развилось и окрѣпло въ народѣ отчасти и на основаніи корана, но единственно благодаря гласности суда казіевъ и биевъ. Дѣйствовалъ ли на судѣ шариатъ или адатъ, т. е. мусульманское ли право, народный ли обычай, но какъ скоро отправленіе правосудія происходило гласно, то присутствующіе мало-по-малу знакомятся съ дѣйствующимъ правомъ. Воспитательное значеніе гласнаго суда признано всѣми, и потому никто, конечно, не станетъ отвергать вліянія его на нравственность средне-азіатцевъ. Если и встрѣчались иногда между представителями правосудія люди недобросовѣстные, то они могли только подорвать довѣріе къ самимъ себѣ; усвоенное же народомъ понятіе о справедливости и законности оставалось непоколебимымъ. Введенное нами «Положеніе» не тронуло народнаго судопроизводства, но еще развило его учрежденіемъ новаго органа — уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ положеніями о мировомъ судѣ. Сходство этихъ положеній съ судомъ биевъ повело къ тому, что уѣздный судья явился не новостью какою-нибудь, а знакомымъ лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе мягкими и справедливыми.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ щедрымъ образомъ — отъ палокъ до отсѣченія руки — а также отмѣна смертной казни — нисколько не разнуздадо, привыкнувшаго къ виду крови, народа. Опасенія въ этомъ смыслѣ разныхъ казіевъ, а съ ихъ голоса и нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей — оказались напрасными. Число преступленій, по сознанию

тѣхъ же казѣвъ, даже уменьшилось противъ коканскаго времени, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, новое пока для народа, наше «русское право» переработаетъ его первобытныя понятія и закрѣпитъ еще сильнѣе ту связь, какая уже существуетъ между Россіей и ея повыми средне-азиатскими владѣніями.

Быстрое движеніе русскихъ въ глубь Азіи породило множество самыхъ пелѣныхъ слуховъ въ средѣ народа. Мушлы, кази и хапскіе чиновники, теряющіе подъ собою почву съ нашимъ приходомъ, были самыми усердными сочинителями этихъ пелѣностей. Прежде всего разнеслась вѣсть о насильственномъ обращеніи мусульманъ въ христіанство, но сдержанность нашего военного духовенства и незнакоміе имъ мѣстныхъ нарѣчій скоро успокоили религіозный страхъ побѣжденныхъ. Былъ примѣръ, что какой-то саргъ самъ обращался къ благочинному церкви Сырдарьинской области, о. Малову, съ просьбой о принятіи его въ христіанство, но ему было отказано на томъ основаніи, что онъ не знаетъ языка и потому не можетъ узнать догматовъ нашей религіи. Другой слухъ—о памѣреніи нашимъ братья рекрутъ—также распался съ теченіемъ времени. Туземцы даже стали сознавать свою негодность къ военной службѣ, по сравненію себя съ нашими солдатами... Слухъ объ усиленной дани разлетѣлся первымъ, такъ какъ г. Черняевъ и началъ именно съ объявленія льготы отъ податей на одинъ годъ, и затѣмъ, вмѣсто $\frac{1}{5}$ и даже $\frac{1}{3}$ части съ урожая, мы стали взимать только $\frac{1}{10}$. Осталось только одно убѣжденіе, которое держится весьма упорно: это—о памѣреніи нашимъ отнять у инглизовъ (англичанъ) Индію. Мягкое обращеніе русскихъ съ туземцами, ожидавшими со-всѣмъ другого отъ побѣдителей—попемпогу примиряетъ народъ съ волею судьбы. Мусульманскій фанатизмъ не имѣетъ нищ и уступаетъ мѣсто фатализму—покорности предопредѣленію. Если нѣкоторые изъ русскихъ склонны были видѣть въ фактѣ разрытія нашихъ могилъ и поруганія мертвыхъ—признакъ религіознаго фанатизма, то они ошибались самымъ положительнымъ образомъ. Это была просто спекуляція: отрѣзавъ голову у только-что схороненнаго покойника, а если это былъ офицеръ или чиновникъ, то, захвативъ и его эполеты или погоны,—хищникъ спѣшилъ съ добычей въ какое-нибудь изъ соседнихъ хапствъ, гдѣ и выдавалъ эту добычу за трофей, взятый имъ въ честномъ бою... Халатъ, нѣсколько золотыхъ тиллей и славы батыря—богатыря—были обыкновенною наградой предприимчиваго вора. Такъ какъ голова женщины не могла доставить столько же славы,

какъ мужская, то, конечно, могилы женщинъ разрывались только по ошибкѣ или незнанію и, значитъ, весьма рѣдко. Со времени принятія нами азіатскаго способа устройства могилъ (кромѣ обыкновенной ямы еще боковая ниша, куда и вдвигается гробъ), открывать гробъ одному человѣку оказывается неудобнымъ, потому что прежде всего гробъ надобно выдвинуть изъ ниши, и потому нападенія на покойниковъ прекратились.

Между разными порочными склонностями туземцевъ заслуживаютъ упоминанія, по ихъ развитію,—подлоги документовъ, конокрадство, противоестественные пороки и пьянство.

Страсть къ подлогамъ, можетъ быть, нигдѣ не развита въ такой степени, какъ здѣсь,—причина весьма простая: документы здѣсь не подписываются, а скрѣпляются только печатью, печать же, конечно, поддѣлать не трудно. Рѣзчики берутъ за печать, вмѣстѣ съ серебромъ, до трехъ рублей, и заказчикъ чужой печати лѣпнѣт документы сотнями, почти не рискуя быть уличеннымъ. Наша подпись, допускающая росчерки иногда весьма характерные, конечно, не болѣе гарантируетъ отъ подлога, чѣмъ и печать, потому что всегда найдутся искусники, которымъ ничѣмъ подписаться подъ любую руку. Азіатскіе почерки не допускаютъ росчерковъ, и потому единственнымъ знакомъ принадлежности документа или письма тому или другому автору—служить его именная печать. Понятно, какъ берегутъ эту печать: ее носятъ тщательно завязанною въ поясѣ, какъ амулетъ; самый процессъ прикладыванія ея отличается торжественностію, точно совершается таинство; никогда туземецъ не отдастъ свою печать другому; развѣ ужъ довѣряетъ ему какъ самому себѣ. Такимъ образомъ, добыть чужую печать весьма трудно, рѣзчики есть не вездѣ, но это не останавливаетъ ловкаго мошенника. Во время моей административной практики мнѣ не разъ удавалось уличать такихъ плутовъ, противъ которыхъ были безсильны и свидѣтели, и очистительная присяга.

Однажды на волостного управителя, честнаго и прямодушнаго киргиза, предъявлено было нѣсколько росписокъ на довольно круглую сумму, въ нѣсколько сотъ тиллей (тилля стоитъ 3 руб. 80 к.). Росписки были написаны весьма мелко на небольшихъ четырехугольныхъ кусочкахъ бумаги. Нѣкоторые кусочки были такъ малы, что на нихъ едва помѣщалась печать, при чемъ самый текстъ былъ написанъ на другой сторонѣ. Другія росписки писались *подъ* печатью. Волостной утверждалъ, что онъ никогда не занималъ денегъ у истца, что истецъ бѣднякъ и самъ живетъ изъ милости у отвѣтника, какъ дальній родственникъ; что

на роспискахъ печати дѣйствительно его, но истецъ вѣроятно какъ-нибудь укралъ печать во время сна отвѣтника. Выставленный волостнымъ свидѣтель или поручитель присягнулъ за правдивость всего показаннаго волостнымъ ¹⁾ Разспросы о личности истца дали въ результатъ, что онъ прежде былъ серкеромъ—сборщикомъ податей, но подчистилъ въ шпуровой книгѣ и разыскалъ съ какого-то землевладѣльца вторично, за что и смѣняетъ. Затѣмъ нѣсколько изъ присутствовавшихъ (разбирательство производилось гласное) заявили, что истецъ уже разыскивалъ долги съ нѣкоторыхъ старинныхъ и волостныхъ, представляя росписки, выданные ими будто бы за время исправленія имъ должности серкера, когда онъ не разъ вносилъ за нихъ въ казну свои собственные деньги. Одинъ изъ потерѣвшихъ былъ на лицо и сказалъ, что хотя онъ и не призналъ дѣйствительности долга, но такъ какъ на роспискѣ была его печать, то кази приговорилъ заплатить. О другомъ потерѣвшемъ сказали, что онъ и не допустилъ до разбирательства, а самъ уговорилъ и усовестилъ истца, который и согласился на отступное въ нѣсколько тиллей.

Я уже не сомнѣвался. Оставалось только уяснить себѣ способъ подлога, доказать его очевидность присутствующимъ и довести мошенника до сознанія. Самый видъ росписокъ навелъ меня на мысль, что истецъ просто досталъ какое-нибудь письмо отвѣтника, вырѣзалъ кусочекъ, гдѣ приложена печать и на обратной сторонѣ написалъ росписку. Такъ какъ печати прикладываются болѣею частью у самаго текста, иногда даже закрываютъ нѣсколько послѣднихъ буквъ, то понятно, что не всякую печать можно отрѣзать, а если можно, то придется довольствоваться самымъ небольшимъ кусочкомъ бумаги. Что печати не были приложены парочно для росписки, а вырѣзаны изъ старыхъ писемъ—доказывалось и тѣмъ, что почти у каждой гдѣ-нибудь на краѣ бумаги видны были слѣды складки. Мирза—писарь уѣзднаго управленія—какъ экспертъ, объяснилъ по моему спросу, что печать всегда прикладывается *снизу* текста, а еслибы мѣста не достало, то и на оборотѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы нижній уголъ лицевой стороны былъ загнутъ назадъ и печать такимъ образомъ оттискивается частью на этомъ треугольникѣ, а частью на обратной сторонѣ, при чемъ верхъ печати долженъ придти на треугольникъ. Выходитъ, что печать какъ-бы при-

¹⁾ По здѣшнему обычаю, присягаютъ не сами тяжущіеся, а выставленные ими поручители. Между киргизами, плохими мусульманами, присяга не пользуется уваженіемъ.

ложена на *лицевой сторонѣ* и по недостатку мѣста перенесена на обратную.

Итакъ, подлогъ былъ ясенъ. Я громко объявилъ свое мнѣніе, взялъ со стола только-что полученное донесеніе одного изъ старинныхъ, вырѣзалъ кусочекъ бумаги, гдѣ была приложена его печать, и велѣлъ мирзѣ написать росписку на имя истца въ 1000 тиллей.

— Возьми, — сказалъ я ему, подавая новую росписку. Эта съ твоими—какъ капли росы похожи.

Надобно было видѣть удовольствіе присутствующихъ. Хохотъ и насмѣшки надъ уличеннымъ плутомъ огласили залу нашего мекхеме (дума). Уличенный повинился, — а торжествующій волостной самъ же взялъ его на поруки.

Другой разъ мнѣ представили постановленіе какого-то казія, покрытое печатями и каракулями неграмотныхъ и «безъ-печатныхъ» свидѣтелей. Отвѣтникъ отвергалъ законность документа на томъ основаніи, что имена свидѣтелей выставлены зря, что ихъ на самомъ дѣлѣ на лицо не имѣется, и т. п. Пришлось вызвать въ уѣздное управленіе всѣхъ поименованныхъ свидѣтелей. Истецъ и казіи выставили новыхъ, доказывавшихъ, что прежніе дѣйствительно были на лицо въ деревнѣ во время разбирательства. Дѣло запутывалось. Къ счастью, доказано было, что одинъ изъ свидѣтелей былъ поденщикомъ при постройкѣ дома въ Ташкентѣ именно въ то самое время, когда въ другомъ мѣстѣ за него рисовали каракулю! Казіи сознался «въ ошибку»...

Но и лжесвидѣтельства не рѣдкость. Народъ относится къ этому весьма безразлично: лжесвидѣтель «работаетъ» за кокапъ, въ два—что дѣлать, когда ему нечего ѣсть! Если его уличатъ, онъ соплется именно на свою бѣдность. Свидѣтельствовалъ что бы то ни было и во что бы то ни стало — его ремесло. Во время организаціонныхъ работъ сами депутаты, избранные народа (представители 10 и 50 клбитокъ), дѣлали безпрестанные подлоги, то скрывая цѣлые аулы, забравшіеся въ какую-нибудь трупобу, то внося въ списки юртовладѣльцевъ имена людей давно умершихъ или только-что родившихся, боясь, что по спискамъ будутъ брать въ солдаты. Нечего и говорить, что возможности покривить душою представляется обширное поприще при сборахъ податей. Перейдемъ къ конокрадству.

Вездѣ, гдѣ есть лошадь, тамъ есть и конокрадъ. Но здѣшній конокрадъ только дерзокъ—онъ воруетъ, такъ сказать, откровенно, безъ хитростей. Единственное его средство для скрытія украденной лошади — это угнать ее подальше. Перекраска, передѣлка,

подпиливалие зубовъ и прочія искусства находятся еще въ младенческомъ состояніи и ограничиваются подстриганіемъ гривы и хвоста. Обыкновенно хозяинъ самъ начиняетъ розыски, а привычка къ путешествіямъ верхомъ и обширныя знакомства, сдѣлаваемые во время перекочевокъ, значительно облегчаютъ и ускоряютъ розыски. Вотъ почему значительная доля украденныхъ лошадей отыскивается хозяиномъ рано или поздно.

Конпокрадство создало здѣсь особый типъ искателей конпокрадствъ — «сунпичи» и особыя правила ихъ вознагражденія: за первое слухъ о пропавшей лошади, за поимку вора, за найденную лошадь и т. д. Правила эти обязательны, такъ что незатѣливый сунпичи его голорара принуждается къ этому судомъ казія или вѣздохъ. Сообщившему первое извѣстіе о пропавшей лошади *кулакъ сунпичи* (кулакъ — ухо) дается обыкновенно халатъ и деньги, смотря по цѣнности лошади и средствамъ потерпѣвшаго. Пойманный воръ имѣетъ право на *сасымытз*, т. е. отобрать у него одежду, которая составляетъ какъ-бы трофей побѣдителя. Вору оставляется только необходимѣйшее... За то поимщикъ обязанъ представить вора ближайшей власти, а если воръ убѣжитъ, то сасымытз отбирается и доказчикъ самъ отвѣчаетъ, какъ воръ. Кто розыщетъ и приведетъ къ хозяину украденнаго у него коня, тотъ получаетъ, конечно, большее вознагражденіе, которое достигаетъ почтенныя цифры, если дѣло идетъ о цѣломъ табулѣ, угнанномъ барагтачами.

Воръ, конечно, увѣряетъ, что купилъ коня на такомъ-то базарѣ (подальше гдѣ-нибудь) или вымѣнялъ у неизвѣстнаго проѣзжаго. Уликъ обыкновенно нѣтъ никакихъ, очевидно только несобыкновенное сходство лошади съ украденною. Для народнаго суда улики и не пужно: если только составилось убѣжденіе въ виновности пойманнаго, его принуждаютъ возвратить лошадь и вознаградить хозяина за издержки по розыскамъ; чаще всего вору приходится внести *майнута-кусакъ*, штрафъ въ видѣ двухъ лошадей, привязанныхъ къ гривѣ и хвосту украденной, затѣмъ вора отпускаютъ на свободу. Дѣло въ томъ, что народъ смотритъ на конпокрадство гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на простое воровство, а бѣи получаютъ даже *ульджу*, т. е. свою часть съ каждой добычи. Баранта — охота за чужимъ скотомъ — считается удалымъ молодецествомъ, и этотъ взглядъ сталъ измѣняться только подъ вліяніемъ русской администраціи, объявившей войну этому оскверненному обычаемъ и давностію грабежу. Какъ бы ни было, по общественная совѣсть относится къ конпокрадству пока довольно мягко. Дѣла эти зачастую оканчиваются миромъ и потому не вос-

ходятъ дальне суда бѣговъ; по крупныя воровства и баранты теперь уже не встрѣчаются.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ сдѣлать всякіе розыски покражи невозможными — способъ весьма простъ: можно *сзѣсть* украденную лошадь, хотя кража и рѣдко дѣлается для этой цѣли. Дѣло въ томъ, что лошадь — перевозочный аппаратъ всегда дороже лошади-дичи. Попятно, что измороенная кляча, едва волочащая ноги, перестаетъ быть перевозочнымъ аппаратомъ и становится *конной*... Туземцы, въ особенности киргизы, не брезгаютъ даже и палою лошадью, но все-таки предпочитаютъ прирѣзать издыхающее животное ранѣе послѣдняго вздоха.

Не въ рабочую пору улицы базаровъ кипятъ празднопоташающими — это фланѣры, дѣлающіе «*тамашу*» — развлеченіе. Ученыя нашихъ войскъ, церковная служба, базарный день — все это привлекаетъ цѣлыя толпы народа. Въ первое время къ окрестностямъ невысокихъ русскихъ домовъ то-и-дѣло прилипали любопытные, чаще взрослые, чѣмъ дѣти. Бывало ничѣмъ нельзя было отогнать безцеремоннаго наблюдателя нашей домашней жизни! Незнакомые предметы, новые люди, «которыхъ такъ любитъ Богъ» и которые припесли съ собою снѣгъ и морозы, все это, конечно, заслуживало вниманія и изученія. Насъ изучили однако же очень скоро: оказалось, что мы народъ пехитрый, простой, гостепримный, не брезгающій ни сартомъ, ни жидомъ, ни индійцемъ. Разные «*тамыры*» (знакомые), подъ предлогомъ какихъ-нибудь услугъ, а не то съ канаусомъ и вышитыми шелкомъ кожаными чамбарами — (штаны) залѣзали къ намъ въ залы, кабинеты и спальни...

Какъ древній афинянинъ — здѣшній горожанинъ готовъ толкаться на площади цѣлый день, охотно слушая подъ открытымъ небомъ поученія какого-нибудь туземнаго Сократа, или повѣствованія о временахъ давномигнувшихъ какого-нибудь туземнаго Оукидида. Базаръ для туземца — кладъ, чай-хапъ, — особенно съ балагауромъ и балагайкой, — сунцій рай! Страсть къ зрѣлищамъ, бездѣлье и отсутствіе развлеченій сдѣлали увеселительнымъ мѣстомъ «чайную». Пѣсни, пляски и фокусы — вотъ пезатѣйливая программа порядочной чайной. Пловъ съ морковью и пизомомъ, нельмени вареные на пару ¹⁾, сушеный урюкъ и персики, каленныя фисташки, кишмишъ, джиза (сартовскіе финики, какъ на-

¹⁾ Надъ котломъ съ кипящею водою ставится одно надъ другимъ нѣсколько рѣдкихъ ситъ, въ которыхъ укладываются нельмени; сверху всего опрокидывается сито съ сплюснутымъ кожанымъ дномъ.

зываютъ русскіе этотъ терпкій сладковатый плодъ), вѣсная дыня, парѣзанная ломтиками, сплетенными въ палку, гранаты, миндаль и прочія сласти манятъ гастронома и лакомку. А тутъ еще «бача»...

Женщина изгнана суровымъ закономъ изъ общества; нѣтъ ей мѣста въ средѣ мужчинъ. Безобразный синій халатъ, накиннутый на голову съ длинными, спитыми вмѣстѣ и болтающимися сзади, рукавами, черная непроницаемая волосная сѣтка, покрывающая лицо—все это придаетъ туземной женщинѣ видъ огороднаго пугала... Молчаливая, какъ мумія, она жмется къ стѣнѣ отъ каждаго проѣзжаго; а пестрыя и парадныя толпы мужчинъ, разодѣтыхъ въ яркіе, съ большими цѣвѣтами и птицами, ситцевые халаты, а не то въ адрасъ (полунелковая муаръ) и капаусъ—весело балагурятъ съ красивыми и безстыдными мальчишками...

Взгляните на этого тучнаго сарта, съ лоснящеюся физиономіей и огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ изъ англійской киски. На немъ сегодня только три халата, — значить въ тѣни не очень жарко: градусовъ двадцать ¹⁾ —самый парадный верхній съ роскошнымъ букетомъ на спинѣ, съ букетомъ на лѣвомъ рукавѣ, очевидно, спитъ только вчера изъ ситца для обоевъ. Шуршитъ и шумитъ покрахмаленная матерія, доволенъ и веселъ щеголь, съ завистью косятся розовые и зеленые халаты на диковинные цвѣты туземнаго франта, безпрестанно отворачивающаго полн, подиштыя узорчатымъ адрасомъ. Нѣжно гладитъ онъ рученку малютки съ подрисованными бровями, лукавыми глазенками и желтыми, окрашенными *женой*, потягив. Поклонникъ и обожатель красоты и граціи не знаетъ какъ угодить плясуну бачѣ. —Бача одѣтъ въ женское платье. Длинные косы, сплетенныя изъ конскаго волоса, висятъ по плечамъ и спинѣ. Бусы и золоченыя русскія монеты украшаютъ его грудь... Никто не скажетъ, что это не дѣвушка — такъ красивъ и кокетливъ бача. Другой еще продолжастъ тапецъ, плавно выступая по ковру босыми ногами подъ тактъ нѣсколькихъ бубенъ и пропзительный визгъ дудки. —Этотъ одѣтъ мужчиной, но движенія плечъ намекаютъ на что-то не-мужское... Бача есть, такъ сказать, законное слѣдствіе изгнанія женщины изъ общества. Есть особые мастера, воспитывающіе бачей, обучающіе ихъ тапцамъ, граціи и самому циническому кокетству. Мастера эти являются со всѣмъ бабетомъ, костюмами и музыкантами, по первому зову какого-нибудь богача,

¹⁾ Зимой носятъ нѣкоторые и до восьми.—Холодно ли сегодня?—спросите вы.—Халатовъ на шесть.

устроивающаго *той* —балъ, по случаю ли семейнаго торжества, или по случаю посѣщенія его кѣмъ-нибудь изъ русскихъ «большихъ тюря».

Тѣлодвиженія мальчика, лукавые и вовсе недвусмысленные взгляды, граціозная поступь подъ звуки не всегда пристойной пѣсни, — все это, конечно, должно дѣйствовать на чувствепнаго азіата. Роскошная одежда, добрый конь и толпа поклонниковъ въ свитѣ еще издали выдаютъ бачу во время его прогулокъ. Въ лавкахъ онъ заставляетъ покупать себѣ лакомства и бросаетъ ихъ народу, а не то распоряжается такимъ же образомъ и деньгами своихъ обожателей. Народъ восхваляетъ щедраго бачу и сыплетъ комплименты: «глаза твои—что звѣзды, поцѣлуй—словно жаркое дыханіе меккскаго вѣтра»...

Почти у каждаго богача есть свой бача, бѣдняки же любители идутъ въ складчину и общими средствами содержатъ одного бачу, удовлетворяя такимъ образомъ эстетическимъ потребностямъ души. Говорятъ, что встрѣчаются бачи, держащіе своихъ поклонниковъ «на благородной дистанціи», и что такіе феномены являются обыкновенно въ бачахъ, принадлежащихъ цѣлой артели любителей.

Русскіе смотрятъ на все это весьма снисходительно, а нѣкоторымъ это даже нравится... Бороться съ такимъ непормальнымъ явленіемъ, какъ «бачебазство» весьма трудно. Какъ уже сказано, это вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ затворничества женщины. Кто не знаетъ, что бачебазство составляетъ обычное явленіе въ Турціи, Персіи и въ сосѣднихъ съ ними земляхъ. Греки, армяне, грузины заимствовали этотъ обычай какъ моду. Въ одну категорію съ Турціей и Персіей надо поставить и всю Среднюю Азію съ Хивой, Бухарой, Коканомъ, Кашгаромъ и русскимъ Туркестаномъ.

Кромѣ изгнанія женщины изъ общества, на развитіе бачебазства имѣетъ, конечно, вліяніе и отсутствіе театровъ, что при однообразіи азіатской жизни и страсти азіатца къ зрѣлищамъ, къ развлеченіямъ, къ *тамашѣ*, заставляетъ его искать ихъ въ чайныхъ, кофейныхъ, баняхъ и т. п. притонахъ.

Главная же причина все-таки отсутствіе женщины. Доказательствомъ служить то, что у кочевыхъ народовъ, какъ, напримеръ, у киргизовъ, пороки встрѣчаются не какъ общее правило, а какъ исключеніе—единственно благодаря равноправности женщины, открытому лицу ихъ и простотѣ отношеній. Никакія мѣры не поскоряютъ бачебазства до тѣхъ поръ, пока останутся

петропутыми *причины* этого ненормальнаго явления. Строгія наказанія, существующія въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, безсилны противъ этого зла—даже и въ Россіи, можетъ быть именно вслѣдствіе ихъ строгости, а въ Азіи законы эти почти непримѣнимы. Дѣлъ этой категоріи почти не возникаетъ.

Страсть къ одуряющимъ и опьяняющимъ веществамъ развита въ народѣ довольно сильно. Въ числѣ первыхъ—*опій*, англійской фабрикаціи (въ видѣ палочекъ, обернутыхъ бумагою), *наши* или, какъ у насъ называютъ, *кашмиръ*, изъ листьевъ и цвѣтовъ индійской конопли, употребляются какъ куренье. Маленькій шарикъ опія кладется на уголья *чилима*, самодѣльнаго кальяна изъ тыквы *каду*, и нѣсколько затяжекъ переносятъ «теріакъ»—любителя опія—въ неземныя пространства!

Изъ «наши» шарики дѣлаются съ примѣсью сала. Густой бѣлый дымъ, отзывающійся и сѣномъ, и горѣлымъ саломъ, и коноплею, быстро одуряетъ любителя, падающаго иногда почти безчувствъ на землю. Сѣвжія или и сухія листья и верхушки мѣстной конопли даютъ матеріалъ для опьяняющаго напитка *бенга*. Листья эти стираютъ въ чашкѣ, прибавляютъ воды, тщательно перемѣшиваютъ эту смѣсь и выпиваютъ. Веселое состояніе духа, смотря по характеру любителя, переходитъ или въ сонъ, или въ буйство. Больше же всего распространена *буза*, приготовляемая изъ проса. Такъ какъ съ бузой познакомился и нашъ солдатъ, и такъ какъ на нихъ, по наблюденіямъ врачей, она дѣйствовала вслѣдствіе какихъ-то примѣсей, одуряющимъ образомъ, то употребленіе ея и даже фабрикація были запрещены еще въ 1869 году. Теперь нѣкоторые любители сильныхъ оцущеній изъ спившихся съ кругу безсрочныхъ прибѣгаютъ и къ опію, и къ напси. Бывали примѣры, что одурѣвшаго солдата сарты обривали, одѣвали въ халатъ и чалму, и увозили связаннымъ въ Бухару. Весьма распространено также употребленіе *кукнара*, приготовляемаго изъ обмолоченныхъ уже головокъ мака. Ихъ растираютъ съ водою и выжимаютъ сквозь тряпку.

Слѣдовало бы лучше разрѣшить бузу, которая все равно производится по ауламъ, чѣмъ запретомъ ея наталкивать народъ на болѣе вредныя, одуряющія вещества. Намъ кажется, что если вредна не самая буза, а вредныя примѣси къ пей, то слѣдовало бы только запретить эти примѣси. Наши солдаты чаще опиваются водкой, чѣмъ бузой, а между тѣмъ водку запрещать никто и не думаетъ. Въ пользу отмены запрещенія говоритъ и то, что поддерживать это запрещеніе рѣшительно невозможно, такъ какъ бузонареніе доступно каждому отдѣльному лицу и не требуетъ ни особен-

ныхъ помѣщеній, ни машинъ, ни большихъ денежныхъ затратъ. Кромѣ того, лица, на которыхъ возложена обязанность полицейскаго надзора, аульные старшины у киргизовъ и кишлячные аскакалы у сартовъ, перѣдко сами варятъ запрещенный напитокъ.

Теперь вмѣсто бузы туземцы начинаютъ пить водку, считая, что запрещеніе корана не распространяется на этотъ напитокъ; а если ужъ и водку подвести подъ понятіе о *шарапѣ*,—о винѣ,—то въ ея пользу все-таки можно сдѣлать исключеніе, такъ какъ она въ тоже время и *дару*—лекарство.

Что водка есть лекарство, туземцы видятъ каждый день на примѣрѣ своихъ русскихъ знакомцевъ, лечавшихъ всѣ болѣзни этимъ специфическимъ средствомъ. Стручковый перецъ, мята, полынь, хина—все это служило матеріаломъ для настоевъ и лечитъ ту или другую болѣзнь.

Сарты предпочитаютъ, впрочемъ, совершенно чистую водку. Нѣкоторымъ изъ нихъ даже кажется, что мы запретили бузу именно съ цѣлю покровительствовать водкѣ... Випокуренныхъ заводовъ, добывающихъ спиртъ и водку исключительно изъ винограда, развелось въ Ташкентѣ не малое количество (Федорова, Жемчужникова, Первушина, Кузнецова и еще кого-то). Ясно, что эти заводы не могли бы и существовать безъ поддержки туземцевъ, такъ какъ русскихъ потребителей немного.

Въ видахъ предупрежденія развитія пьянства въ Кураминскомъ уѣздѣ было принято за правило: не разрѣшать никому открывать питейныхъ заведеній въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ русскаго населенія. Поэтому, до сихъ поръ на весь уѣздъ имѣется только 20 кабаковъ (въ 1871 г.), находящихся преимущественно въ Чиназѣ. Мысль, руководившая въ этомъ случаѣ уѣздною администрацію, была та, что у туземцевъ слишкомъ достаточно и своихъ пороковъ, чтобы имъ прививать еще наши. Наконецъ, гораздо лучше и спокойнѣе имѣть меньше кабаковъ, чѣмъ больше тюремъ!

Слѣдуетъ упомянуть наконецъ о страсти ко всевозможнымъ азартнымъ играмъ: орлянка, карты, чѣтъ и нечѣтъ камешками,—все это способствуетъ передвиженію капиталовъ, загімъ одежды, домашняго скарба, а наконецъ и домочадцевъ отъ одного игрока къ другому... Жена, сестра, дочь, сынъ—все идетъ на ставку! Игроки до того пристращаются къ игрѣ, что иногда можно встрѣтить играющаго съ самимъ собою: то кидаетъ монету и торопится заглянуть—орелъ или рѣшетка?—то перебрасываетъ камешки изъ одной руки въ другую и быстро считаетъ: чѣтъ или нечѣтъ? Въ 1870 году я видѣлъ въ Самаркандѣ такого субъекта подъ судомъ по обвиненію въ разбоѣ: онъ до того былъ углуб-

лентъ въ свою игру, что на вопросы судей отвѣчалъ не впадалъ совершенно равнодушно относясь къ своей участи. Это насъ весьма поражало ¹⁾. Кромѣ игры, существуютъ и еще азартныя способы приобретать деньги, это—пари. Скачка, борьба двухъ силачей, бой пѣтуховъ, перепеловъ и куропатокъ, парочко да того выдерживаемыхъ въ теченіи зимы (весною, въ пору спариванія, ихъ стравливаютъ)—все это служитъ поводомъ къ пари.

Убийствъ было совершено: въ 1868 году	4
» » » » 1869 »	8
» » » » 1870 »	5

Изъ числа совершенныхъ въ 1869 году—два падаютъ на долю русскихъ, и именно казаковъ.

Убийство у киргизовъ оплачивается купомъ, размѣръ котораго не опредѣленъ обычаемъ съ такою строгостію, чтобы можно было прямо сказать: сколько въ данномъ случаѣ виновный долженъ будетъ заплатить. Обыкновенно богатъ платитъ за убійство дороже бѣдняка. Такъ, въ 1869 году одинъ виновный былъ приговоренъ бѣдами къ уплатѣ 90 тиллей—около 360 р., а другой убійца заплатилъ 193 тилли, то-есть 772 р., да еще 3 халата и 1 лошадь. Оно и резонно: иначе какой-нибудь богатъ могъ бы сдѣлаться просто бичомъ сосѣдей, такъ какъ для него легкій денежныя штрафы ничего бы не стоили. Правда, на такого человѣка падаетъ еще одна узда: обычай кровомщенія. Опасеніе за собственную жизнь служитъ довольно сильнымъ аргументомъ, сдерживающимъ самоуправство дикаго сына степей.

Кое-гдѣ въ степи установилась для куна такая норма: за мужчину убійца долженъ отдать наслѣдникамъ 100 копей и слѣдующихъ *джаксы* ²⁾: 1) одинъ невольникъ или невольница; 2) *кара-паръ*—черный одnogорбый верблюдъ (пары сильнѣе двухъ горбыхъ туюя); 3) *кара-чулакъ-атъ*—вороная, славная въ пародѣ лошадь; 4) *акъ-суатъ*—бѣлая кольчуга; 5) *тэзумутукъ*—дѣрное ружье, и 6) *калынь-гленъ*—толстый мохнатый коверъ.

За женщину платится половина: 50 лошадей и 3 *джаксы* *кара-паръ*, *кара-чулакъ-атъ* и *калынь-гленъ*, то-есть—верблюдъ, во-

¹⁾ Въ статьѣ А. Д. Гребенкина, „Таджики“ (Русскій Туркестанъ, выпускъ второй) упомянуть, какъ видно, тотъ же случай.

²⁾ Собственно *джаксы* значить *хорошіе*: слово татарское, перенятое киргизскимъ произношеніемъ, которое передѣлываетъ мягкое *и* въ *дже*, *и* въ *с*, *о* въ *б* и т. д. *Йола*—дорога, будетъ *джолъ*; *йылъ*—годъ, *джилъ*; *башъ*—голова, *башъ*; *калынь*—свидѣтель, *кялинь*; *лэши*—хорошій, *джаксы* и т. д.

роная лошадь и коверъ. Очевидно, что такая норма, гдѣ играютъ роль ружья, кольчуги и прочее, не самая древняя. Счетъ барабанами—конечно древнѣе. За мужчину 1000, а за женщину 500 барабановъ—какъ разъ даже и по цѣнѣ подойдетъ къ названной выше нормѣ. Нынѣшніе киргизы ее рѣдко придерживаются, потому ли, что обѣднѣли, потому ли, что цѣнять жизнь дешевле, потому ли, что теперь убійства рѣже и наказаніе не нуждается уже въ устрашающемъ характерѣ—сказать трудно.

Смыслъ обычая весьма ясенъ: убійца мужчины долженъ обезпечить семью его за матеріальный ущербъ и выдать свое оружіе, коня и оруженосца; убившій женщину, оружія и раба не выдаетъ. Если бы оцѣнить всѣ *джаксы* и лошадей, то цѣнность куна выразилась бы слѣдующими цифрами:

100 лошадей, по 30 р. каждая	3000 р.
Наръ	80 »
Вороной конь	200 »
Кольчуга	30 »
Ружье	30 »
Коверъ	20 »
Рабъ	200 »
	3560 р.

Надобно сказать, что кольчуги теперь упали въ цѣнѣ: наѣзники убѣдились, что онѣ ничего не стоятъ передъ русскимъ штыкомъ и пулей. Поэтому, теперь можно купить иногда порядочную кольчугу рубля за три, или за пять. Въ степи же это охранительное вооруженіе еще цѣнится. Хорошая лошадь-скакунъ цѣнится иногда и въ 1000 тиллей, т.-е. въ 3500 рублей, а меньше какъ за 200 р. его не купишь. Ружье, не весьма хитрой конструкции, съ фителемъ и развалкой, прихлѣпанной къ ложѣ для подставки—иногда стоитъ и не дешево, но я принимаю здѣсь и кольчугу и ружье въ цѣну обыкновенной лошади.

Что касается невольниковъ, то, конечно, теперь существуетъ развѣ одинъ видъ рабства: кабала за долги, за невыплаченный кунъ и т. п. Впрочемъ, у сосѣднихъ съ китайскими провинціями киргизовъ встрѣчаются калмыки, проданные своими родителями, или и просто забарантованные во время набѣговъ. Такимъ образомъ, если принять даже наши умѣренные цѣны, то кунъ за кровь мужчины доходитъ до 1000 тиллей, а за кровь женщины до 500 тиллей. Приведенныя нами выше цифры въ 90 тиллей и въ 193, а съ лошадью и 3-ми халатами, пожалуй, 215 тиллей—весьма далеки отъ старой нормы. За убійство султана или ходжи платится какъ за 7 человѣкъ. Обида этихъ лицъ

словами оплачивается семью барапами. Не всегда ссора и драка доводятъ туземцевъ до убійства; такъ, на 5 убійствъ, совершенныхъ въ 1870 году, приходится 45 случаевъ нанесенія ранъ и увѣчій. Раны также оплачиваются купомъ, смотря по важности ихъ. За отсѣченіе большого пальца прежде платилось 100 бараповъ, за мизинецъ—20, а если потерпѣвшій не прощаетъ, то виновному отсѣкается соотвѣтствующій членъ.

Для предупрежденія, а со временемъ и вовсе для искорененія барапты и кровомщенія можетъ служить изысканіе этихъ преступленій изъ-подъ вѣдѣнія народныхъ судовъ, ограничивающихся, болѣею частью, только возмѣщеніемъ убытковъ и купомъ за кровь. Убійство и барапта заставляли эпохою безсилія государственныхъ началъ въ Средней Азій, когда каждому предоставлялось право творить судъ и расправу надъ противникомъ, за нанесенную имъ обиду. Это, конечно, не можетъ быть терпимо при русскомъ владычествѣ. Судъ и расправа конечно не могутъ быть предоставлены всякому желающему. Народъ уже достаточно ознакомился съ основаніями и приемами русскаго судопроизводства, а потому передача такихъ крупныхъ правонарушеній, каковы грабежъ и убійство, подъ вѣдѣніе русскаго суда, не покажется уже крутою и неподготовленною мѣрою. Преслѣдуя эти преступленія уголовнымъ порядкомъ, слѣдуетъ однако же оставить за потерпѣвшей стороной право искупать матеріальнаго вознагражденія по обычаю; въ противномъ случаѣ множество преступленій будетъ скрыто отъ русскаго суда изъ-за матеріальныхъ выгодъ мировой сдѣлки.

Оставить одинъ купъ, какъ пеню за пролитую кровь—значитъ снять съ богачей всякую отвѣтственность и дать каждому изъ нихъ возможность безнаказанно творить самоуправство, обрекая на смерть ихъ противниковъ.

Грабежей и разбоевъ было совершено: въ 1868 году—14; въ 1869 г.—10. Въ томъ числѣ на большихъ дорогахъ: въ 1868 г.—10, а въ 1869 году—4. Въ 1869 году изъ десяти грабежей, три произведено русскими.

Случаевъ воровства и мошенничества было: въ 1868 году—12; въ 1869 г.—14; въ 1870 г.—185.

Увеличеніе цифры 1870 г. произошло не вслѣдствіе ухудшенія народной нравственности, а вслѣдствіе введенія болѣе правильной отчетности со стороны казѣвъ и бѣевъ, которые прежде не сообщали въ управленіе числа рѣшаемыхъ ими дѣлъ. Въ своемъ мѣстѣ будутъ даны свѣдѣнія о числѣ всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ 1870 году народнымъ судомъ. Замѣчательно кражекъ

можно считать совершенную въ 1868 году: одинъ сартъ укралъ изъ чиназской церкви часть разобраннаго имъ подстрѣчника. Это чуть ли не единственный случай въ этомъ родѣ.

Главную статью въ цифрѣ кражъ составляетъ конокрадство: въ 1868 и 1869 г. было по 9-ти случаевъ, а въ 1870 г. слѣдуетъ считать до 140. Въ сущности же и въ предшествующіе годы слѣдовало бы считать хотя по 180 всѣхъ кражъ, потому что въ то время мы вели войну съ Бухарою, вводили новое положеніе, посылали въ степь экспедиціи и т. д., и слѣд. надзоръ былъ слабѣе. Такъ какъ уѣздная администрація обязана сдѣлать только первое дознаніе и затѣмъ передаетъ дѣло судебному слѣдователю (общему для уѣзда и для города), и такъ какъ судебный слѣдователь, нисколько не подготовленный къ этой дѣятельности (изъ писмоводителей), обыкновенно затягивалъ дѣла и велъ ихъ *внѣ* уѣзда, то слѣдить за ходомъ этихъ дѣлъ не было никакой возможности.

Противъ конокрадства и грабежей въ 1868 году была принята слѣдующая мѣра: изъ самихъ жителей составлена стража и расположена пикетами у переправъ черезъ рѣки и на высокихъ мѣстахъ. Средство это оказалось довольно дѣйствительнымъ, и противъ 1867 года конокрадство сразу ослабло.

Крупныхъ происшествій, нарушившихъ общественный порядокъ, было только два. Въ 1868 году, въ ночь на 1-е апрѣля, на станцію Арабатъ, которую охраняли шесть уральскихъ казаковъ, напала шайка въ шестьдесятъ человекъ, подъ предводительствомъ одного карадувана и нѣсколькихъ дувановъ ¹⁾. Заслышавъ неистовые визги, казаки взобрались на крыши сакель и открыли огонь. Шайка потеряла трехъ человекъ убитыми и ранеными, и отступила. Виновные увѣрили, что они нападать и не думали, а просто возвращались съ праздника и вздумали поджигать мимо станціи, казаки же съ перепуга приняли ихъ за разбойниковъ. Присланный на слѣдствіе офицеръ поддерживалъ показанія виновныхъ, и уральцы были заподозрѣны въ излившейся пугливости; но настойчивость уѣзднаго начальника не дала замолкнуть этому дѣлу, и виновные подверглись суду. Главные зачинщики, впрочемъ, успѣли бѣжать, изъ второстепенныхъ же приговорены были: двое—къ смертной казни и одинъ—къ каторжнымъ работамъ. Приговоренные къ смерти были однакоже помилованы

¹⁾ Дувана — туземный монахъ нищенствующаго ордена. Между ними многіе напускаютъ на себя юродство, и потому слово „дувана“ сдѣлалось синонимомъ—полоумнаго, дурака, юродиваго и т. п.

генераль-губернаторомъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе. Другаго намаза, когда правовѣрные арестанты станутъ на колѣни и гоё нападеніе, и также на почтовую станцію, было произведено часовому казаку прискучить смотрѣть на однообразные поклонны, въ 1871 году, шайкою человекъ въ 60 сартовъ и киргизовъ, въ какой-нибудь смѣлчакъ вскакиваетъ на плечи сосѣда, хватается 30-ти верстахъ отъ Ташкента, при чемъ нѣсколько казаковъ была на верхъ стѣны и перелетаетъ на улицу. Выскочившій караулъ убито или ранено. Какъ скоро получено было извѣстіе о происшествіи, — снаряжена была погоня изъ мѣстныхъ жителей кихъ человекъ, улетающихъ во всѣ стороны. Неистовые Узнавъ о погонѣ, разбойники разбрелись поодиночкѣ, по жилищамъ крики: «держи, лови» и выгнавшая изъ воротъ толпа казаковъ горныхъ кинжалоу были на-готовѣ, и къ вечеру того же дня съ оружіемъ ошеломляетъ прохожихъ, незнающихъ въ чемъ 8 человекъ было поймано; черезъ нѣсколько дней было захвачено и боящихся попасть на закланіе! Ловить обыкновенно качено еще 20 чел. и затѣмъ каждый день поодиночкѣ переконно-нибудь перекуганнаго прохожаго, а виновникъ суматохи хватили болѣе половины шайки. Главный атаманъ успѣлъ бѣгствомъ скрыться въ первомъ извѣстномъ переулкѣ. жать въ Коканѣ.

Слѣдствіе показало, что шипанъ—святоша, бывшій атаманомъ ныхъ жителей, головы брѣютъ всѣ. Единственное средство сдѣ- шайки — давно уже пропагандировать противъ русскихъ и не- лать ихъ замѣтными—это бритье бороды, усовъ и бровей, упо- рѣдко прѣзжать въ самый Ташкентъ. Главная масса его по- требительное въ ханствахъ. Но это считается верхомъ позора. слѣдователей набралась въ аулѣ Кул-кара, гдѣ онъ устроилъ ме- Когда хотятъ сказать: онъ потерпѣлъ поражение, онъ былъ при- четь, школу, и назначилъ по себѣ халифа—старшаго ученика стужень, то употребляютъ выраженіе: «онъ ушелъ съ обритыми преемника. Себя выдавалъ за пророка Меиды, послѣдняго передъ бровями»!

Безпечность и незнаніе службы у казаковъ таковы, что, на- увѣреніемъ, что все готово, что ташкентцы ждутъ-не дождутся добно удивляться, какъ еще не разбѣгались и всѣ арестанты!

Содержаніе арестантовъ возлагалось обыкновенно на такъ- т. н. замѣчательно, какъ отнесся къ этому народъ: мало того, что называемаго куръ-баши, или сартовскаго полиціймейстера, ко- что туземцы спасаютъ казака, даютъ знать въ сотню и ловятъ торому отпускались и деньги. Обезпеченное содержаніе при пол- разбойниковъ, но даже готовы были растерзать пойманныхъ вѣйшемъ бездѣйствіи обращало тюрьму въ какой-то монастырь. Впослѣдствіи четверо изъ наиболѣе виновныхъ были разстрѣлены. Огнелюбки не только не стремились къ свободѣ (развѣ ужъ нѣсколько сослано въ каторжныя работы).

Всѣхъ арестантовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ содержалось въ кому грозила строгая кара за содѣянное), но весьма охотно по- теченіи 1870 года 152 чел. Значительная доля ихъ, впрочемъ, ступали въ скитъ, нисколько не заботясь ни о поручителяхъ, ни принадлежала уѣзду; въ числѣ множества рабочихъ, прибываю о скорѣйшемъ представленіи своихъ свидѣтелей.

Въ видахъ гигиеническихъ, а также, чтобы извлечь изъ массы ныхъ изъ Кокана въ Ташкентъ, попадаютъ и воры, которыхъ тупеядцевъ какую-нибудь пользу, я заставлялъ ихъ (лѣтомъ 1870 болѣею частью и высылаютъ обратно. Кураминскія тюрьмы слу- года) очищать дворы уѣзднаго управленія, поправлять дорожки жать для этихъ пересылочныхъ партій этапамъ. Собственно то- въ саду, поливать засѣянную мною плантацію лечебныхъ расте- и Тиллау устроены арестантскія помѣщенія, весьма недостаточны- ній, сахарнаго сорго и т. п.

Къ зимѣ арестанты обыкновенно старались уйги на поруки; въ случаѣ прилива арестантовъ изъ Ташкента. Той-Тюбинская крупныхъ плутовъ въ уѣздѣ не держали, отсылая ихъ въ таш- передѣланная изъ сартовской сакли, весьма низка, съ малыми кентскую тюрьму, въ видахъ предупрежденія побѣга, а также отверстіями для оконъ, и потому съ недостаточною вентиляціею въ виду того, что судебный слѣдователь жилъ постоянно въ Таш- Лѣтомъ, въ душныя ночи, арестантовъ приходится размѣщать въ кентѣ, гдѣ и велъ слѣдствія.

и это, при крайней неопытности оренбургскихъ и сибирскихъ ка- Кромѣ названныхъ пунктовъ, арестантскія имѣются и при- заковъ, составляющихъ обыкновенный гарнизонъ сел. Той-Тюбе- каждомъ волостномъ управленіи, но онѣ передѣланы изъ сакель не отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ гигиены, и потому требуютъ ведеть къ побѣгамъ. Въ 1868 году бѣжало двое, въ 1869 году перестроить.

Средство употреблялось весьма простое: во время вечер-

Дома строятся изъ глины, которую берутъ тутъ же подъ ногами, такъ какъ грунтъ состоитъ изъ чистѣйшей и хорошей глины. Для тонкихъ стѣнъ (въ лавкахъ, сараяхъ и т. п.) туземцы ставятъ деревянный остовъ и зашпляютъ его глиной. Самый характеръ здѣшнихъ построекъ изъ глиняныхъ комьевъ съ камышовыми крышами, покрытыми глиною же, дѣлаетъ ихъ недоступными огню съ вѣнней стороны. Смазка крышъ глиною употребляется кое-гдѣ и въ Россіи. Опытъ указалъ, что это прекрасное предохранительное средство. Во время пожара въ Коротоякѣ (Воронежской губ.), происшедшаго въ 1868 году отъ плюминаціи въ честь пріѣзда генералъ-инспектора кавалеріи, и когда притомъ вся вольнонаемная пожарная команда отправлена была за городъ зажигать пюльки—удалось отстоять только тѣ дома, крыши которыхъ были покрыты глиной, кругомъ же ихъ множество соединенныхъ зданій были истреблены.

Сартовскія постройки застрахованы отъ огня и изнутри въ нихъ нѣтъ ни печей, ни дымовыхъ трубъ—огонь раскладывается просто на полу въ особомъ углубленіи, а если сами жители хотятъ согрѣться, то въ это углубленіе накладываются уголья, надъ ними ставится большая и низкая табуретка, похожая на маленькій столикъ, табуретка покрывается ватнымъ одѣяломъ и семья садится вокругъ, засовывая ноги подъ табуретку на перекладные сѣжки и закутываясь въ одѣяло. Полъ, конечно, глиняный или вымощенный квадратными плитками кирпича—огню нѣтъ ницъ никакой. Дымовыя трубы, причиняющія въ Россіи столько хлопотъ, здѣсь замѣняются окномъ, дверью или отверстіемъ въ крышѣ. Эта сравнительная безопасность отъ огня дѣлаетъ пожары большою рѣдкостью. Ихъ было во всей области 20, сгорѣло 78 дворовъ на—9,480 р.

Поэтому и пожарныхъ командъ нигдѣ не имѣется. Слабымъ намѣкомъ на будущіе пожарные инструменты въ Курамѣ служитъ пока единственный гидронуть, купленный мною для уѣзднаго управленія. Въ случаѣ пужды и онъ можетъ пригодиться, такъ какъ струя его достаетъ до крышъ здѣшнихъ невысокихъ построекъ.

Отсутствіе печей въ туземныхъ постройкахъ объясняется теплымъ климатомъ и короткою, несуровою зимой. Съ приходомъ русскихъ зима стала суровѣе. Туземцы видятъ въ этомъ знаменіе... знакъ особаго благоволенія Аллаха къ русскимъ, которые любятъ снѣгъ и безъ мороза жить не могутъ!

Запавъ сартовскія сакли, мы попадали на печи и—припились рубить фруктовыя деревья. Туземцы охотно стали возить дрова,

преимущественно урюковыя (абрикосовыя), которыя лучше горятъ. Съ истребленіемъ садовъ дрова, конечно, вздорожали. Напи печи устраивались самымъ допотопнымъ образомъ такими печниками изъ солдатъ, которые сдѣланы были ими только потому, что имъ «приказано». Очагъ и вертикальная труба, безъ всякихъ заворотовъ, откровенно глядитъ сквозь крышу въ небо; никакихъ вышекъ не полагалось, и чтобы закрыть трубу, надо было лазить на крышу и тамъ затыкать трубу конной, сверху которой накладывались камни. Попятно, что такія печи поѣдали огромное количество топлива и давали ничтожное количество тепла. Дороговизна дровъ заставляла подумать и о топливѣ, и о печахъ. Каменный уголь съ казенной «Татаринновской» копѣи, хотя и добывался за Чемкентомъ и везти его 200 верстъ чего-нибудь стоило, но все-таки казалось выгоднѣе платить 35 коп. за пудъ угля, чѣмъ 15 р. за сажень дровъ. Выписанные изъ Россіи для «генеральскаго» дома печники были заняты чуть не на годъ впередъ, и потому менѣе вліятельные чины должны были довольствоваться тѣми туземными *уста*—мастерами, которые служили чернорабочими при русскихъ мастерахъ. Одинъ изъ такихъ скоро дошелъ до такого искусства, что не уступалъ и русскимъ, но за то и его трудно было залучить къ себѣ. Сложитъ каминъ онъ брался за 7 и 10 рублей. Второстепенные мастера брали не менѣе 15-ти. Когда я выставилъ такому мастеру несообразность его цѣны сравнительно съ цѣной лучшаго мастера, онъ весьма резонно возразилъ:

— Да вѣдь тотъ какъ взялся за работу—такъ ужъ и кончить, а мнѣ можетъ быть придется еще раза три передѣлать все сызнова... за что же я буду трудиться?

И правда: начнешь пробовать каминъ—то не тянетъ вовсе, то дымитъ. Мастеръ ужъ не отходитъ и передѣлывать до тѣхъ поръ, пока дѣло не наладится.

Татаринновскую копѣю скоро залило водою. Уголь вздорожалъ. Первухинскій изъ копѣи Кураминскаго уѣзда продавался по татаринновской цѣнѣ и портилъ колосники: избытокъ сѣры велъ къ образованію сѣристыхъ соединеній, и желѣзные прутья порожали. Теперь уже многіе топятъ камыномъ, камни передѣланы на простыя печи. У китайцевъ, гдѣ дровъ было мало, печи или, вѣрнѣе, трубы строились такимъ образомъ: очагъ врывается въ полъ, боровъ-дымоотводъ кладется горизонтально вдоль стѣны на полу же, и выходитъ потомъ наружу ниже горизонта, оканчиваясь въ трубу, сдѣланную изъ коры дерева, обмазанной изнутри глиной. Въ видахъ красоты въ кору втыкаютъ сучья и вѣтви, преимущественно вѣчно зеленой хвои—нужды нѣтъ, что

кора дубовая, а вѣтви будутъ еловыя. Боровъ внутри комнаты обдѣлывается лежанкой и покрывается циновками—выходитъ и чисто и тепло, да и мебели лишней не надо. Выгода еще та, что сырость, гниющая обыкновенно внизу стѣнъ, уничтожается. Такія печи есть въ Кульдждѣ, и русскіе должны съ ними познакомиться. Корейцы, переселенные насильно изъ Владивостока на Амуръ, передѣлали русскія печи въ домахъ, для нихъ построенныхъ, на описанный нами образецъ. Экономія въ топливѣ достигается при этомъ полная. Все тепло остается въ комнатѣ, а не грѣетъ небо.

Другое, что слѣдуетъ позаимствовать отъ китайцевъ — это полы: матеріаломъ служитъ жженый кирпичъ, по его заливаютъ — замѣтимъ, не *мажутъ* только — варенымъ растительнымъ масломъ. Кирпичъ дѣлается непроницаемымъ для сырости, приобретаетъ большую прочность, такъ какъ въ порахъ его останется сгустившееся масло — и затѣмъ его можно еще интаклевать, красить, мыть. Кирпичные полы дѣлаются и у насъ, но безъ масла, оттого кирпичъ сильно стирается подъ ногами, пылитъ, а мытый — долго сохраняетъ сырость и гнить вещи въ сундукахъ, чемоданахъ и т. п. Квадратная сажень китайскаго пола обойдется въ 6 р. 50 к., а деревяннаго не мѣнѣе 30 р.; кирпичный и служить въ 10 разъ дольше.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

TDV İSAM
Kütüphanesi Arşivi
No TK/124

